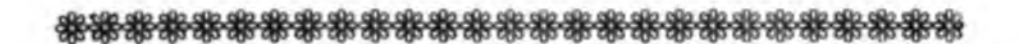
МАТЬ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»,
1979

СТИХОТВОРЕНИЯ
РУССКИХ И СОВЕТСКИХ ПОЭТОВ
О МАТЕРИ

МАТЬ

Составитель и автор предисловия
ВИКТОР КОРОТАЕВ

Художник
ВЛАДИСЛАВ СЕРГЕЕВ

СЛОВО О МАТЕРИ

Велика и многообразна русская поэзия, сумевшая за время своего развития и существования вобрать в себя и вместить все бури и шквалы социальных потрясений и преобразований. Неоспоримо ее гражданское и общественное звучание и значение. В то же время она всегда умела уловить и выразить тончайшие и сокровеннейшие движения души человеческой; и в суровые годины, поднимаясь до набатного грома, поэзия не обрывала свою свирельно чистую и тонкую мелодию влюбленного сердца; она открывала и укрепляла глобальные философские истины, потрясая существовавшие доселе представления о миропорядке, и никогда не гнушалась участливо откликнуться на жалобу опечаленного человека.

Из этого великого моря, отразившего, кажется, все бездны, можно черпать беспрестанно — и не обмелеет оно вовеки. Не случайно поэтому выходят у нас объемистые сборники и целые тома стихотворений о товариществе и дружбе, любви и природе, солдатском мужестве и Родине... И любая из этих тем получила свое полное и достойное воплощение в глубоких и своеобразных произведениях отечественных мастеров.

Но есть еще одна святая страница в нашей поэзии, дорогая и близкая любому неочерствевшему сердцу, любой непотерявшейся душе, не забывшей и не отказавшейся от своих истоков, — это стихи о матери.

Что может быть на свете священнее имени матери!..

Человек, еще не сделавший ни шагу по земле и только-только начинающий лопотать, неуверенно и старательно складывает по слогам «ма-ма» и, почувствовав свою удачу, смеется, счастливый...

Почерневший от бессонной работы хлебороб прижимает к пересохшим губам пригоршню такой же темной земли, довольно родившей и ржи и пшеницы, благодарно произносит: «Спасибо, кормилица-мать...»

Солдат, наткнувшийся на встречный осколок и павший на землю, слабеющей рукой посылает последнюю пулю врагу: «За Родину-мать!»

Все самые дорогие святыни названы и озарены именем матери, потому что с именем этим связано и само понятие жизни.

Счастлив тот, кто с детства познал материнскую ласку и вырос под заботливым теплом и светом материнского взгляда; и до смерти страдает и терзается потерявший в начальные годы свои самое дорогое на свете существо — мать; и, даже заканчивая свой вроде бы не зря и с пользой прожитый век, не может без слез и горечи вспоминать об этой незажившей боли, об этом страшном уроне, каким отяготила его немилосердная судьба. Не случайно всем сердцем откликаемся мы на заключительные строки стихотворения Василия Казина «На могиле матери»:

Гнетет и горе и недоуменье,
Гвоздем засело в существо мое,
Стою — твое живое продолженье,
Начало потерявшее свое.

Мать!..

С уважением и признательностью смотрим мы на человека, до седых волос благоговейно произносящего имя матери своей и почтительно оберегающего ее старость; и презрением казним того, кто забыл о женщине, породившей и вырастившей его, и в горькую старческую ее пору отвернулся от нее, отказал в доброй памяти, куске или крове.

По отношению человека к матери народ меряет свое отношение к человеку...

Русская литература, верная своим гуманистическим традициям, все эти понятия развила и закрепила. Облик матери уже в устной народной поэзии приобрел пленительные черты хранительницы очага, работящей и верной жены, защитницы собственных детей и неизменной радетельницы за всех обездоленных, оскорбленных и обиженных. Эти определяющие качества материнской души отображены и воспеты еще в русских народных сказках и народных песнях. Нельзя не заметить, что при всем понимании и нередком сочувствии к бездетным женщинам народная литература хотя и беззлобно, однако не упускает случая потешиться над такими людьми. И зачастую одиноких старух, незнакомых с материнским чувством, изображает и сварливыми, и подозрительными, и скупыми, и черствыми. И уж совсем явственно звучит открытая ирония, когда дело касается старых дев. Сколько времени живет, не умирая, поговорка, что где живет старая дева, там даже крапива не растет...

В печатной литературе, которая по известным причинам спервоначалу была уделом только представителей высших классов, образ матери долгое время оставался в тени. Возможно, названный предмет не считался достойным высокого слога, а может быть, причина такого явления более проста и естественна: ведь тогда дворянским детям, как правило, брали для воспитания не только гувернеров, но и кормилиц, и дети дворянского сословия в отличие от детей крестьянских были искусственно отдалены от матери и вскармливались молоком других женщин; поэтому и происходило — пусть не вполне осознанное — притупление сыновних чувств, что не могло в конечном счете не сказываться и на творчестве будущих поэтов и прозаиков.

Не случайно у Пушкина не написано ни одного стихотворения о своей родительнице и столько прелестных поэтических посвящений няне Арине Родионовне, которую, кстати, поэт часто называл нежно и бережно — «мамушкой». Поэтому мы считаем вполне правомерным включение пушкинских стихов о няне в этот сборник.

По-настоящему глубоко и сильно тема матери зазвучала только в демократической поэзии. И здесь необходимо в первую очередь назвать имя великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова, создавшего удивительно цельный и емкий тип крестьянской женщины-матери. Достаточно вспомнить его хрестоматийные «...Есть женщины в русских селеньях», «В полном разгаре страда деревенская», «Орина, мать солдатская», «Рыцарь на час», «Внимая ужасам войны», главу «Демушка» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», которые уже одни сами

по себе составляют своеобразную антологию... Возможно ли без внутреннего трепета и глубокого соучастия читать исполненные высокого значения строки:

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

Как скупо и трагично это звучит, как просто и близко все к нашему времени. И опять в крови оживают мгновенно багровые отсветы недавних пожарищ, воют и грохочут смертоносные снаряды, слышатся крики ужаса и бессильные стоны, и переворачивает душу детский плач... И над всем этим растерзанным и развороченным миром в молчаливой скорби вырастает согбенная фигура матери.

Вот оно, бессмертие истинной поэзии, вот она, завидная протяженность ее существования во времени!

Традиции Некрасова были своевременно подхвачены и широко и полнокровно разработаны не только такими поэтами, как Иван Суриков, Иван Никитин или Ниркомский, но в ходе дальнейшего литературного процесса и более поздними авторами. Из них прежде всего следует назвать Сергея Есенина, создавшего удивительно искренние и эмоциональные стихи о своей матери, крестьянке по роду и занятиям, поэтому в чем-то продолжающей собой галерею некрасовских образов.

И следующие за Есениным советские поэты внесли достойную лепту в эту благородную тему. Николай Дементьев, Александр Твардовский, Алексей Недогонов, Борис Корнилов, Ярослав Смеляков — это далеко не полный список поднявших свое перо и голос во славу материнского подвига. Правда, иная эпоха продиктовала свои и мотивы. Образ матери стал выглядеть еще более трагично на фоне великой и страшной в своей ожесточенности минувшей войны. Кто более матери перенес страданий в эту пору? Она теряла на фронте своих сыновей, она переживала оккупацию и оставалась с малыми ребятишками на руках без хлеба и крова, она до изнеможения работала в цехах и полях и, всеми силами помогая Отчизне выстоять, делилась с фронтом последним куском. Все она вынесла и превозмогла, и поэтому в нашем сознании понятия «Родина» и «мать» давно слились воедино.

Образ матери извечно нес на себе черты драматизма и даже трагизма и почти всегда и прежде всего звучал социально: если плохо матери, самому святому существу на земле, то можно ли говорить о справедливости мира? Даже в самые, казалось бы, спокойные времена над ней висел и тревожил зловещий рок, поэтому русская мать из дальних веков

несет на себе печать вечной страдалицы. Благополучные люди, беззаботно купающиеся в своем счастье, редко поднимаются до понимания страданий ближнего; может быть, поэтому мать в нашей литературе, вдоволь хватившая лиха, чаще всего лицо сострадательное, способное понять и утешить обойденного и непризренного, поддержать слабого и вселить веру в разочаровавшегося. Именно поэтому все печальники и тянутся к ней с любой болью и жалобой, веря, что здесь поймут и разделят их горе.

Мужчины перед своими любимыми хотят выглядеть только мужественными, только сильными, только несгибаемыми. Возможно, это и делает их мужчинами. И только перед родной матерью не боятся они обнажить свои слабости и неудачи, признаться в ошибках и потерях, потому что, как бы далеко ни ушли они в своем возрасте и развитии, перед нею они и седые — все равно дети. А уж она понимает сердцем, что бедному да обиженному прежде всего и всех нужнее — мать. О силе материнского чувства точно и емко сказано в стихотворении Николая Благова «Памятник»:

Поставили гранитного навеки
с винтовкой, честь по чести —
как в бою.
Мать привезли из дальней деревеньки:
— Ну, узнаешь?
— Да вроде узнаю. —
А что там вроде!
Если б без оружья
да если б строгость соскоблить с лица,
тогда бы стал похожим он на мужа,
а сын другой,
хотя и был в отца.
Живого разве мыслимо из камня?!
А так похож.
Известно — возмужал...
Да если б сын,
да встретил мать глазами,
да разве б он на месте устоял!

Но, приобретая черты символа и выполняя огромную общественную миссию, мать никогда не теряла привычные человеческие черты, оставаясь радушной хозяйкой и умной собеседницей, старательной работницей и прирожденной песельницей, широкой в застолье и мужественной в горе, открытой в радости и сдержанной в печали, и всегда доброй, понимающей и женственной.

По существу, образ матери в русской поэзии стал своеобразным эталоном женских достоинств. Щедрое воображение поэтов рисует нам существо почти безупречное, но язык не поворачивается сказать, что подобное пристрастие где-то порой неминуемо приводит к идеализации: ведь действительно в главных своих ипостасях мать была и остается личностью незаурядной!

Мать!..

Несомненно, это одно из самых глубоких и гармоничных созданий отечественной поэзии, и давно созрела насущная необходимость собрать воедино все лучшее о ней, что создали русские и советские поэты.

Мы делаем такую попытку...

Виктор Коротаев

УЖ ТЫ, МАТЬ МОЯ, МАМОНЬКА...

(Русская народная песня)

Уж ты, мать моя, мамонька,
Государыня, боярыня моя,
Ты за что, мати, спородила меня,
Счастливую, таланливую,
Говорливую, забавливую?
На меня люди зарятся,
Попы запеваются,
Дьякона зачитаются,
Что последняя тварь — пономарь
Из окошечка выглядывает.
Поп кадилою кадит, кадит,
Сам на милую глядит, глядит:
«Уж ты, тонкая, высокая моя,
Расхорошая, веселая моя,
А не ты ли меня высушила,
А не ты ли меня выкрушила,
Порассеяла печаль по очам,
Призаставила шататься по ночам».
Мне ж попа любить не хочется,
По приходу он волочится,
Пирогами побирается
Да блинами объедается.

РОДИМАЯ ТЫ МОЯ МАТИ...

(Русская народная песня)

Родимая ты моя мати,
Матушка!
Ты дай мне поспать,
Понежиться,
Покуда я, младешенька,
Во девушках;
Замуж выдадут,
Поспать не дадут,
Поспать не дадут,
Работать велят:
«Работай, наша невестушка,
Не постаивай!
На родимую сторонушку
Не поглядывай!..»
А на родимой на сторонушке
Три зазнобушки:
Еще первая зазнобушка —
Родный батюшка;
Другая зазнобушка —
Родная матушка;
А третья-то зазнобушка —
Еще брат с сестрой...

ВЫДАЛА МАТУШКА ДАЛЕЧЕ ЗАМУЖ...

(Русская народная песня)

Выдала матушка далече замуж,
Хотела матушка часто езжати,
Часто езжати, подолгу гостити.
Лето проходит, матушки нету,
Другое проходит, сударыни нету,
Третье в доходе, матушка едет.
Уж меня матушка не узнавает:
«Что это за баба, что за старуха?» —
«Я ведь не баба, я не старуха,
Я твое, матушка, милое чадо». —
«Где твое делося белое тело,
Где твой девался алый румянец?» —
«Белое тело на шелковой плетке,
Алый румянец на правой на ручке.
Плеткой ударит, тела убавит,
В щеку ударит, румянцу не станет».

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе . . . .

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шолком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

МАТЬ

Она была исполнена печали,
И между тем как, шумны и резвы,
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою,
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

День-деньской моя печальница,
В ночь — ночная богомолица,
Векова моя сухотница...
Из народной песни.

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава богу, добираемся.

— Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! Пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви — может, и размыкаю.
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

«Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да недолги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...»

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
— Да с чего же привязалася
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри, как шелковые...»

И опять молчит несчастная...
— Не молчи — развей кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку?

«Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!

Говорить — гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне, умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес заборником;

Перекрыть сарай задумывал.
Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал, — пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался,
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости! —
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу,
«Не белы снежки», закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращалися...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Все ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артикул ружьем выкидывал,
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль, стоял на ноженьке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «Ваше благородие!
Ваше!..» Вижу задыхается;

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..»
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная...»

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

РЫЦАРЬ НА ЧАС

(Отрывок)

...Спи, кто может, — я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму,
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с собой совладать,
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину,
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит — бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит бога о ведреном дне.

Звук за звуком гудя прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени.
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном...
Все, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен — все живет предо мной,
Все так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидать я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты — грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилася!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
И заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах.
Под грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебно светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!

Что враги? пусть клевещут
язвительней,
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на все безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно
разбилася,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билося,
Что умел он любить...

* * *

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать!

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — все равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

(Отрывок)

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Века протекали — все к счастью стремилось,
Все в мире по нескольку раз изменилось,
Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла, —

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

* * *

...Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И холод и голод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» —
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы, у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогий —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознанье,
Что все их спасенье в труде,
Что труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

ПЕСНЬ МАРИИ

(Из драмы «Материнское благословение»)

В хижину бедную, богом хранимую,
Скоро ль опять возвращусь?
Скоро ли мать расцелую любимую,
С добрым отцом обнимусь?
Бледная, страшная, в грезах являлася
Мать моя часто ко мне,
И горячо я с мечтой обнималася,
Будто с родимой, во сне!..
Сколько, я думаю, к горю привычная,
Мать моя слез пролила...
Если б отсюда она, горемычная,
Речь мою слышать могла,
Я закричала б ей — пусть не пугается:
«Жизнь для меня не тошна.
Матушка! дочь твоя с горем не знается:
Замуж выходит она!»

ДЕМУШКА

(Из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»)

Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой, матушка! где ты?
А ты бы нас похолила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!»
Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева... ни гнездышка...
Ни птенчиков!.. Поет-зовет...
Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась
До белого утра!..

Носила я Демидушку
По поженкам... лелеяла...
Да взъелася свекровь,
Как зыкнула, как рыкнула:
«Оставь его у дедушки,
Немного с ним нажнешь!»
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
В тот год у нас родилася,
Мы землю не ленясь
Удобрили, ухолили, —
Трудненько было пахарю,
Да весело жнее!
Снопами нагружала я
Телегу со стропилами
И пела, молодцы.
(Телега нагружается
Всегда с веселой песнею,
А сани с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,
А сани — на базар!)
Вдруг стоны я услышала:
Ползком ползет Савелий-дед,
Бледнешенек как смерть:
«Прости, прости, Матренушка! —
И повалился в ноженьки. —
Мой грех — не доглядел!..»

Ой, ласточка! ой, глупая!
Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутым!
Что день — то прибавляется
Вода в реке: зальет она
Детенышей твоих.
Ох, бедная молодушка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Демушку —
Да поздно было звать!..

Чу! конь стучит копытами,
Чу, сбруя золоченая
Звенит... еще беда!
Ребята испугалися,
По избам разбежалися,
У окон заметалися
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля, в луга.
Собрал народ: идут — кряхтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошеных,
Неправедных судей!
Знать, деньги издержалися,
Сапожки притопталися,
Знать, голод разобрал!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван,
К присяге понятых.

Допрашивали дедушку,
Потом за мной десятника
Прислали. Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порыкивал...
«Эй, женка! состояла ты
С крестьянином Савелием

В сожительстве? Винись?»
Я шепотком ответила:
«Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелию
Сто лет... Чай, знаешь сам?»
Как в стойле конь подкованный
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком:
«Молчать! Не по согласью ли
С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..»
Владычица! что вздумали!
Чуть мироеда этого
Не назвала я нехристем,
Вся закипела я...
Да лекаря увидела:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивал он тут.
Вздрогнула я, одумалась.
— Нет, — говорю, — я Дёмушку
Любила, берегла...
«А зельем не поила ты?
А мышьяку не сыпала?»
— Нет! сохрани господь!..
И тут я покорилася,
Я в ноги поклонилася:
«Будь жалостлив, будь добр!
Вели без поругания
Честному погребению
Ребеночка предать!
Я мать ему!..» Упросишь ли?
В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее — нет креста!

Из тонкой из пеленочки
Повыкатили Демушку
И стали тело белое
Терзать и пластовать.
Тут свету я невзвидела, —
Металась и кричала я:
«Злодеи! палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже-господи!
Чтоб тлен пришел на платьице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей — юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!..»
— Никак она помешана? —
Сказал начальник сотскому. —
Что ж ты не упредил?
Эй, не дури! связать велю!..

Присела я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лекаря:
Рукавчики засучены,
Грудь фартуком завешана,
В одной руке — широкий нож,
В другой ручник — и кровь на нем,
А на носу очки!
Так тихо стало в горнице...
Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
«Ножом в сердцах читаете», —
Сказал священник лекарю,
Когда злодей у Дёмушки
Сердечко распластал.
Тут я опять рванулася...
«Ну, так и есть — помешана!
Связать ее!» — десятнику
Начальник закричал.
Стал понятых опрашивать:
«В крестьянке Тимофеевой
И прежде помешательство
Вы примечали?»— Нет!

Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:
— Не примечали, нет!
Спросили деда старого:

— Не примечал! ровна была...
Одно: к начальству кликнули,
Пошла... а ни целковика,
Ни новины, пропащая,
С собой и не взяла!

Заплакал навзрыд дедушка.
Начальничек нахмурился,
Ни слова не сказал.
И тут я спохватилася!
Прогневался бог: разуму
Лишил! была готовая
В коробке новина!
Да поздно было каяться.
В моих глазах по косточкам
Изрезал лекарь Дёмушку,
Циновочкой прикрыл.
Я словно деревянная
Вдруг стала: загляделась я,
Как лекарь руки мыл,
Как водку пил. Священнику
Сказал: прошу покорнейше!
А поп ему: «Что просите?

Без прутика, без кнутика
Все ходим, люди грешные,
На этот водопой!»
Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожалися.
(Откуда только бралися
У коршуна налетного
Корыстные дела!)
Без церкви намолилися,
Без образа накланялись!
Как вихорь налетал —
Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал —
Ломал перстни злаченые...
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал,
Я слышала, как шепотом
Поп плакался ему:
«У нас народ — все голь да пьянь,
За свадебку, за исповедь
Должают по годам.
Несут гроши последние
В кабак! А благочинному
Одни грехи тащат!»
Потом я песни слышала,
Все голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка...
Чу, пляска! чу! гармония!..
И вдруг затихло все...
Заснула, видно, что ли, я?..
Легко вдруг стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:
«Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!» —
И крестит... С рук скатилися
Веревки... Я не помнила
Потом уж ничего...

Очнулась я. Темно кругом,
Гляжу в окно — глухая ночь!
Да где же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни месяца, ни звезд.
Сплошная туча черная
Висела над деревнею,
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова
Сияла, как чертог.
Вошла — и все я вспомнила:
Свечами воску ярого
Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный,
Прикрыт камчатной скатерью,
Икона в головах...
«Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перинушки...
Ой, жестко будет Дёмушке,
Ой, страшно будет спать!..»

ИВАН НИКИТИН

РАССКАЗ КРЕСТЬЯНКИ

Ох, много, мои матушки,
И слез я пролила,
И знала горя горького,
И нужд перенесла!

Тут бог послал безвременье —
Овин у нас сгорел,
Тут, эдак через полгода,
Вдруг муж мой заболел.

Пора была рабочая —
И кинуть жаль его,
И в поле-то не убрано,
Как надо, ничего.

А там детишки малые, —
Хлопочешь день-деньской,
Разломит все суставчики
Ночною-то порой.

Раз в поле я работаю —
Жара, терпеть невмочь,
Напиться-то мне нечего...
Пока настала ночь,

Уж так я утомилася —
Не подыму руки.
Щемит мое сердечушко
И ноет от тоски.

Ох, ну-ка, мол, проведаю
Больного я пойду;
Пришла, а он, касатик мой,
Уж мечется в бреду.

Теленок был на привязи —
Покромку оборвал
И всю солому кой-куда
В избе поразбрыкал.

Сынишка перепуганный
Сидит, кричит в углу,
А дочь грудная ползает
И плачет на полу.

Я на нее как глянула —
Едва не обмерла!
Взяла бедняжку на руки
Да к мужу подошла.

«Васильевич! Васильевич!
Опомнись, мол, на час.
Уж на кого, родименький,
Ты покидаешь нас?»

Он застонал, голубчик мой,
Рукой вот так махнул,
Сказал: «На волю божию» —
Да навек и уснул.

Осталася с детишками
Одна я одиной...
Покрылся без хозяина
Широкий двор травой.

Пришла зима с морозами —
А я без дров сижу,
Не знаю себе отдыха,
Горюю и тужу.

Тут дети просят хлебушка,
Покою не дают,
Там лошади голодные
Стоят и корма ждут;

То надо печь соломою
Топить и щи варить;
То за водою на реку
С ведерками сходить;

То снег самой откидывать
Лопатой от ворот, —
Денек-ат как промаешься,
Еда на ум нейдет.

Детишки, мои ягодки,
Сиротками глядят,
Общипаны, оборваны,
Худеют да болят.

Смотрю на них и думаю:
«Уж чем их я вскормлю?»
И думу свою крепкую
И сплю-то не засплю...

Вдруг за меня посватался
Зажиточный мужик;
Такой, господь с ним,
взбалмошный,
Причудливый старик,

Всегда с женою ссорился,
А бабу грех корить —
Она была разумная,
Умела домом жить.

И был он мне не по сердцу,
А вышла за него;
Теперь глаза и колет мне
Семья-то вся его.

«Что вот-де навязалася
Какая-то с детьми,
Сама родила, нянчила,
Сама их и корми!»

Да благо, что сиротки-то
Пригреты у меня,
А о себе-то, матушки,
Уж не забочусь я.

МАТЬ И ДОЧЬ

Худа, ветха избушка
И, как тюрьма, тесна;
Слепая мать-старушка
Как полотно бледна.

Бедняжка потеряла
Свои глаза и ум
И, как ребенок малый,
Чужда забот и дум.

Все песни распевает,
Забившись в уголок,
И жизнь в ней догорает,
Как в лампе огонек.

А дочь с восходом солнца
Иглу свою берет,
У светлого оконца
До темной ночи шьет.

Жара. Вокруг молчанье,
Лениво день идет,
Докучных мух жужжанье
Покоя не дает.

Старушки тихий голос
Без умолку звучит...
И гнется дочь, как колос,
Тоска в груди кипит.

Народ неутомимо
По улице снует.
Идет все мимо, мимо, —
Бог весть куда идет.

Уж ночь. Темно в избушке,
И некому мешать,
Осталося к подушке
Припасть — и зарыдать.

ИВАН СУРИКОВ

У МОГИЛЫ МАТЕРИ

Спишь ты, спишь, моя родная,
Спишь в земле сырой.
Я пришел к твоей могиле
С горем и тоской.

Я пришел к тебе, родная,
Чтоб тебе сказать,
Что теперь уже другая
У меня есть мать;

Что твой муж, тобой любимый,
Мой отец родной,
Твоему бедняге-сыну
Стал совсем чужой.

Никогда твоих, родная,
Слов мне не забыть:
«Без меня тебе, сыночек,
Горько будет жить!

Много, много встретишь горя,
Мой родимый, ты:
Много вынесешь несчастья,
Бед и нищеты!»

И слова твои сбылися, —
Все сбылись они.
Встань ты, встань, моя родная,
На меня взгляни!

С неба дождик льет осенний.
Холодом знобит;
У твоей сырой могилы
Сын-бедняк стоит.

В старом, рваном сюртучишке,
В ветхих сапогах;
Но все так же тверд, как прежде,
Слез нет на глазах.

Знают то судьба-злодейка,
Горе и беда,
Что от них твой сын не плакал
В жизни никогда.

Нет, в груди моей горячей
Кровь еще горит,
На борьбу с судьбой суровой
Много сил кипит.

А когда я эти силы
Все убью в борьбе
И когда меня, родная,
Принесут к тебе, —

Приюти тогда меня ты
Тут в земле сырой,
Буду спать я, спать спокойно
Рядышком с тобой.

Будет солнце надо мною
Жаркое сиять,
Будут звезды золотые
Во всю ночь блистать;

Будет ветер беспокойный
Песни свои петь,
Над могилой серебристой
Тополью шуметь;

Будет вьюга надо мною
Плакать, голосить...
Но напрасно — сил погибших
Ей не разбудить.

НИРКОМСКИЙ

РУССКАЯ ПЕСНЯ

«Матушка, голубушка,
Солнышко мое!
Пожалей, родимая, —
Я — дитя твое!
Словно змея лютая
Так грудь и сосет
И целую ноченьку
Мне спать не дает.
Все мне что-то грезится,
Будто наяву,
Уж когда ложуся я,
Молитву творю.
То залетной пташечки
Песенка слышна, —
Сердце замирает,
Так сладка она!
То мне что-то видится,
Размечуся я:
Сердечко встоскуется —
В огне лежу я!
Ни игры, забавушки
Не веселы мне:
Все тоска-кручинушка
Въяве и во сне.
Что это, родимушка,
Сталося со мной?
Стало, приключился мне
Злой недуг какой?
Али нет, родимая,
Зелья пособить?»
— «Знать, приспело, дитятко,
Времечко любить!»

НИКОЛАЙ ЦЫГАНОВ

* * *

«Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимушка,
Попусту в изъян!

Рано мою косыньку
На две расплетать!
Прикажи мне русую
В ленту убирать!

Пущай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкие
Веселит собой!

То ли житье девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замужем
Охать да вздыхать?

Золотая волюшка
Мне милей всего!
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего!»

— «Дитя мое, дитятко,
Дочка милая!
Головка победная,
Неразумная!

Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По цветам порхать!

Заблекнут на щеченьках
Маковы цветы,
Прискучат забавушки —
Стоскуешься ты!

А мы и при старости
Себя веселим:
Младость вспоминаючи,
На детей глядим;

И я молодешенька
Была такова,
И мне те же в девушках
Пелися слова!»

АПОЛЛОН МАЙКОВ

МАТЬ

«Бедный мальчик! весь в огне,
Все ему неловко!
Ляг на плечико ко мне,
Прислонись головкой!
Я с тобою похожу...
Подремли, мой мальчик,
Хочешь, сказочку скажу:
«Жил-был мальчик с пальчик...»
Нет! не хочешь?.. сказки — вздор!
Песня лучше будет...
Зашумел сыр-темен бор,
Лис лисичку будит;
Во сыром-темном бору...
Задремал мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыром-темном бору...
Тише! засыпает...
Словно птенчик, все в жару
Губки открывает...»
«Во сыром бору» поет
Мать. и ходит, ходит...
Тихо, долго ночь идет...
Ночь уж день выводит —
Мать поет... рука у ней
Затекла, устала,
И не раз слезу с очей
Бедная роняла...
И едва дитя, в жару,
Вздрогнув, встрепенется —
«Во темном-сыром бору»
Снова раздается...
Отклони удар, уйди,
Смерть с своей косою!
Мать дитя с своей груди
Не отдаст без бою!
Заслонит, средь всех тревог,
Всей душой своею
Жизни чудный огонек,
Что затеплен ею!
И едва он засветил —
Вдруг ей ясно стало,
Что любви, что чудных сил
Сердце в ней скрывало!

АФАНАСИЙ ФЕТ

* * *

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

АЛЕКСЕЙ АПУХТИН

* * *

Когда был я ребенком, родная моя,
Если детское горе томило меня,
Я к тебе приходил, и мой плач утихал:
На груди у тебя я в слезах засыпал.

Я пришел к тебе вновь... Ты лежишь тут одна,
Твоя келья темна, твоя ночь холодна,
Ни привета кругом, ни росы, ни огня...
Я пришел к тебе... Жизнь истомила меня.

О, возьми, обними, уврачуй, успокой
Мое сердце больное рукою родной.
О, скорей бы к тебе мне, как прежде, на грудь,
О, скорей бы мне там задремать и заснуть.

УМИРАЮЩАЯ МАТЬ

(С французского)

«Что, умерла, жива? Потише говорите,
Быть может, удалось на время ей заснуть...»
И кто-то предложил: ребенка принесите
        И положите ей на грудь!

И вот на месте том, где прежде сердце билось,
        Ребенок с плачем скрыл лицо свое...
О, если и теперь она не пробудилась, —
Все кончено: молитесь за нее!

АЛЕКСАНДР БЛОК

СЫН И МАТЬ

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославленный,
Только б радость перенесть!

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле,
Дух свой предал небожителям,
Сердце — матери-земле.

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков...

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
В шлеме утренней зари!
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Веет ветер очистительный
От небесной синевы.
Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горние хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
От ночной туманной мглы!

В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только б радость перенесть!

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

КОРШУН

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг.
В избушке мать над сыном тужит:
«Нá хлеба, нá, нá грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

ИВАН БУНИН

МАТЕРИ

Я помню спальню и лампадку.
Игрушки, теплую кроватку
И милый, кроткий голос твой:
«Ангел-хранитель над тобой!»

Бывало, раздевает няня
И полушепотом бранит,
А сладкий сон, глаза туманя,
К ее плечу меня клонит.

Ты перекрестишь, поцелуешь,
Напомнишь мне, что он со мной,
И верой в счастье очаруешь...
Я помню, помню голос твой!

Я помню ночь, тепло кроватки,
Лампадку в сумраке угла
И тени от цепей лампадки...
Не ты ли ангелом была?

МАТЬ

И дни и ночи до утра
В степи бураны бушевали
И вешки снегом заметали,
И заносили хутора.
Они врывались в мертвый дом —
И стекла в рамах дребезжали,
И снег сухой в старинной зале
Кружился в сумраке ночном.

Но был огонь — не угасая,
Светил в пристройке по ночам,
И мать всю ночь ходила там,
Глаз до рассвета не смыкая.
Она мерцавшую свечу
Старинной книгой заслонила
И, положив дитя к плечу,
Все напевала и ходила...

И ночь тянулась без конца...
Порой, дремотой обвевая,
Шумела тише вьюга злая,
Шуршала снегом у крыльца.
Когда ж буран в порыве диком
Внезапным шквалом налетал,
Казалось ей, что дом дрожал,
Что кто-то слабым, дальним криком
В степи на помощь призывал.
И до утра не раз слезами
Ее усталый взор блестел,
И мальчик вздрагивал, глядел
Большими темными глазами.

РОДИНЕ

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей.

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, что сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

ПИСЬМО МАТЕРИ

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я.
Привет тебе, привет!
Пусть струится
над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне
в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, —
Слишком раннюю утрату
и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

* * *

Снежная замять дробится и колется,
Сверху озябшая светит луна.

Снова я вижу родную околицу,
Через метель огонек у окна.

Все мы бездомники, много ли нужно нам.
То, что далось мне, про то и пою.
Вот я опять за родительским ужином,
Снова я вижу старушку мою.

Смотрит, а очи слезятся, слезятся,
Тихо, безмолвно, как будто без мук.
Хочет за чайную чашку взяться —
Чайная чашка скользит из рук.

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись,
Слушай — под эту гармонику снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел, и много я странствовал,
Много любил я и много страдал,
И оттого хулиганил и пьянствовал,
Что лучше тебя никого не видал.

Вот и опять у лежанки я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.
Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве, на лучший удел.

А за окном под метельные всхлипы,
В диком и шумном метельном чаду,
Кажется мне — осыпаются липы,
Белые липы в нашем саду.

ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ

Чего же мне
Еще теперь придумать,
О чем теперь
Еще мне написать?
Передо мной
На столике угрюмом
Лежит письмо,
Что мне прислала мать.

Она мне пишет:
«Если можешь ты,
То приезжай, голубчик,
К нам на святки.
Купи мне шаль,
Отцу купи порты,
У нас в дому
Большие недостатки.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохою.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.

Стара я стала
И совсем плоха,
Но если б дома
Был ты изначала,
То у меня
Была б теперь сноха
И на ноге
Внучонка я качала.

Но ты детей
По свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому,

И без семьи, без дружбы,
Без причал
Ты с головой
Ушел в кабацкий омут.

Любимый сын мой,
Что с тобой?
Ты был так кроток,
Был так смиренен.
И говорили все наперебой:
Какой счастливый
Александр Есенин!

В тебе надежды наши
Не сбылись,
И на душе
С того больней и горше,
Что у отца
Была напрасной мысль,
Чтоб за стихи
Ты денег брал побольше.

Хоть сколько б ты
Ни брал,
Ты не пошлешь их в дом,
И потому так горько
Речи льются,
Что знаю я
На опыте твоем:
Поэтам деньги не даются.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохою.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.

Теперь сплошная грусть,
Живем мы, как во тьме.
У нас нет лошади.
Но если б был ты в доме,
То было б все,
И при твоем уме —
Пост председателя
В волисполкоме.

Тогда б жилось смелей,
Никто б нас не тянул,
И ты б не знал
Ненужную усталость,
Я б заставляла
Прясть
Твою жену,
А ты, как сын,
Покоил нашу старость».

. . . .

Я комкаю письмо,
Я погружаюсь в жуть.
Ужель нет выхода
В моем пути заветном?
Но все, что думаю,
Я после расскажу.
Я расскажу
В письме ответном...

ОТВЕТ

Старушка милая,
Живи, как ты живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь —
Чем я живу
И чем я в мире занят.

Теперь у вас зима.
И лунными ночами,
Я знаю, ты
Помыслишь не одна,
Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна.

Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И — что тебя хоронят.

Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга! —
И снег ложится
Вроде пятачков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!

Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!

Но эта пакость —
Хладная планета!
Ее и Солнцем-Лениным
Пока не растопить!
Вот потому
С больной душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.

Но время будет,
Милая, родная!
Она придет, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот — у пера.

Забудь про деньги ты,
Забудь про все.
Какая гибель?!
Ты ли это, ты ли?
Ведь не корова я,
Не лошадь, не осел,
Чтобы меня
Из стойла выводили!

Я выйду сам,
Когда настанет срок,
Когда пальнуть
Придется по планете,
И, воротясь,
Тебе куплю платок,
Ну, а отцу
Куплю я штуки эти.

Пока ж — идет метель,
И тысячей дьячков
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга.
И снег ложится
Вроде пятачков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга.

* * *

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь...
Я вспомнил тебя, дорогую,
Моя одряхлевшая мать.

Как прежде ходя на пригорок,
Костыль свой сжимая в руке,
Ты смотришь на лунный опорок,
Плывущий по сонной реке.

И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отчему краю
Совсем не болеет душой.

Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.

Пускай мы росли ножевые,
А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.

Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.

Ведь радость бывает редко,
Как вешняя звень поутру,
И мне — чем сгнивать на ветках —
Уж лучше сгореть на ветру.

БОРИС КОРНИЛОВ

МАМА

Ну, одену я одежу —
новую, парадную...
Ну, приеду...
Что скажу?
Чем тебя порадую?
Золотыми ли часами?
Молодыми ли усами?
Встреча добрая такая —
по часам и по усам
ты узнаешь, дорогая, —
зарабатываю сам.
Помнишь, ты меня родила,
на руках меня носила
и счастливою была.
Ты всегда меня просила:
будь моя утеха-сила, —
и Борисом назвала.
Помнишь,
ты меня кормила
и слезою хлеб солила,
и картошки напекла —
полагаю, не забыла,
сколько горя в жизни было,
как печальная была.
Ты, наверно,
постарела.
(Постареем, мама, все.)
Красота твоя сгорела
на июльской полосе.
Скоро я к тебе приеду —
рослый,
шляпа на боку,
прямо к жирному обеду,
к золотому молоку.
Я пройду красивым лугом,
как и раньше —
молодцом,
вместе с мамой,
вместе с другом,
вместе с ласковым отцом.
Я скажу,
а вы поверьте,
плача,
радуясь,
любя,
никогда —
до самой смерти —
не забуду я тебя.

НИКОЛАЙ ДЕМЕНТЬЕВ

МАТЬ

(Поэма)

Толпы — с поезда. Ну и народ!
Впрямь как с шабаша:
Прут и прут, не допрутся пока...
— Тише! Бабку затискали!
Что тебе, бабушка?
— Мне б Петрушу...
— Которого это?
— Сынка...

Бултыхает старуха баулом и чайником.
У возниц, у шоферов, у публики — смех:
— Это что ж за петрушка такая?
— Начальник он...
— Тут начальников много...
— Так мой — выше всех.
Уморила!
Над сборищем этим, над сонмом
Гогот, хохот,
шибающий в пот.
Вдруг один кучерок — как смекнет
да как вспомнит,
Что начальник строительства
Правильно — Петр!

Кулаком по мордам
Лошадей задремавших,
Чтоб стояли,
Чтоб выглядели, как орлы!
Сено — в ноги. Кнут — в руки.
— Садитесь, мамаша!..

Ой, железные шины круты и круглы!
Ты качайся, на клевере вскормленный мерин!
Вороная кобылка, пластайся вразлет!
Обернется,
башкой помотает и — верит,
И — не верит.
А бабушка носом клюет.
Кацавейка на ней — не по-летнему —
ватная.
Ишь! — горбатая...
Ишь! — неприглядная вся...
Загорелая, старая и рябоватая...

...У начальника в комнате
Карты висят...
На кровати начальника
простыни взрыты.
Шторы — настежь,
И солнце

По всем косякам,
Книгам, стеклам, приборам.
Слепящая бритва
Пышет в зеркало,
А перед зеркалом — сам,
Крепкий, свежий, еще не успел
приодеться,
Напевает чего-то в усы и под нос,
Пена шлепается на полотенце...

Входит возчик:
— Мамашу в порядке довез...

А за возчиком
В белом платочке и валенках
Что-то давнее-давнее —
и не узнать...
Вспоминал...
вспоминал...
вспоминал...
Вспомнил: — Маменька!
— Я, Петруша! Я, милый!
Я, кровный!
Я — мать...

Отобрал у нее узелки и баулы,
Рассовал под столы,
оглянулся мельком,
Усадил, оглядел ее всю —
И пахнуло
Детством —
речкой, репейниками, молоком,
Молодыми рябинами
Над оградами,
Рубашонкой в заплатах,
сестренкой в соплях...

— Мама! Мамонька!
Чем же тебя мне порадовать?
Ты, наверно, с дороги устала, —
приляг.
Уложил ее, старенькую,
на топчанике,
Одеялом, коротенькую, — до бровей...

— Самоварчик?
— У нас, понимаешь ли, —
чайники...
В церкву хочешь?
А я и не строил церквей.
Ну, да ты не волнуйся!
Ты мало грешила.
Я ж тебя от любого греха излечу.
Знаешь, мамонька, что?
У меня есть машина.
Я тебя по строительству прокачу.
Ты посмотришь,
чего мы настроили...

Дела ж,
До сих пор полон рот —
и какие дела!
Покатаемся?
Хочется?
— Что ты! И где уж!
Два денечка поохала
И померла.
А начальника мы уважали.
Не с ним ли
Возвели комбинат за четыре зимы?
Вышло так,
что мамашу его хоронили
Всем строительством,
всеми бригадами мы.

В полдень, как по сигналу, —
Сойтись и собраться!
В разогретый асфальт —
Многотысячный шаг.
Тихо-тихо прошел
В голове демонстрации
Пятитонный, задернутый черным
«фомаг».
Там четыре партийца
Почетною вахтою
Охраняют стоймя,
Не опершись на борт,
Загорелую, старую и рябоватую
Мать начальника наших работ.
Мы проходим,
работоупорные жители,
Мимо ясных от яркого света
громад.
Автогеном мерцает
Машиностроительный.
Равномерно работает
Химкомбинат.

Мерны медные трубы
Оркестра умелого.
На девчонках — платочки
Весенних цветов...

...Ничего не видала
И мало что сделала
За семь с лишним десятков
Бедняцких годов.

На голодной степи, у дороги —
песочек.
Бабий голос — еще молодой —
одинок...
Сын приехал
С уральских заводов
Вальцовщиком.
Прогармонил недельку —
И смылся сынок.

А у ней, как и встарь,
    догнивает под дождиком
Ощетиненный,
    малоколосистый сноп...

Сын приехал,
Бежавши из ссылки
Подпольщиком,
Ночевал на овине —
И смылся сынок.
А она — со скотом — поднимается
                раненько,
Уж от старости
    пальцы пускаются в пляс...

Сын приехал
    с гражданского фронта,
Израненный.
Отдохнул — и на фронт!
А она осталась...
Протащилась,
Не чуя ни горя, ни времени,
Через двадцать беременностей и смертей.

...Мы положим тебя,
Аграфена Ефремовна,
В парке отдыха,
У пионерлагерей...
Через светлые,
Через стеклянные версты
Сын тебя провожает,
Как через века...
Это строили мы
Под его руководством —
Инженера, начальника,
            большевика.
Это мы возводили,
Чтобы крепче дышалось,
Чтобы легче работалось,
Лучше жилось,
Чтобы с ног не валила ни хворь,
                ни усталость...
Мы положим тебя
У веселых берез,
Изможденную,
    темную мать неимущих,
Всех, кто новым
    и властным хозяином стал.

Пусть в оркестре
Все трубы играют
«Замучен
Тяжелой неволей...»
И — «Интернационал»!

ДМИТРИЙ КЕДРИН

КРОВИНКА

Родная кровинка течет в ее жилах
И больно — пусть век мою слабость простит —
От глаз ее жалких, от рук ее милых
Отречься и память со счетов скостить.

Выветриваясь, по куску выпадая,
Душа искрошилась, как зуб, до корня.
Шли годы, и эта ли полуседая,
Тщедушная женщина — мать у меня?

Убогая! Где твоя прежняя сила?
Какою дорогой в могилу слегла?
Влюблялась, кисейные платья носила,
Читала Некрасова, смуглой была.

Растоптана зверем, чье прозвище — рынок,
Раздавлена грузом матрасов и соф,
Сгорела на пламени всех керосинок,
Пылающих в недрах кухонных Голгоф.

И вот они — вечная песенка жалоб,
Сонливость, да втертый в морщины желток,
Да косо, по-волчьи свисающий на лоб,
Скупой грязноватый седой завиток.

Так попусту, так бесполезно и глупо
Дотла допылала твоя красота!
Дымящимся паром кипящего супа
Весь мир от тебя заслонила плита!

В истрепанных туфлях, потертых и рыжих,
С кошелкой, в пальто, что не греет души,
Привыкла блуждать между рыночных выжиг,
Торгуясь, клянясь, скопидомя гроши.

Трудна эта доля, и жребий несладок:
Пугаться трамваев, бояться людей,
Толкаться в хвостах продуктовых палаток,
Среди завсегдатаев очередей.

Но желчи не слышно в ее укоризне,
Очаг не наскучил ей, наоборот:
Ей быть и не снилось хозяйкою жизни,
Но только властительницей сковород.

Она умоляет: «Родимый, потише!
Живи не спеша, не волнуйся, дитя!
Давай проживем, как подпольные мыши,
Что ночью глубокой в подвалах свистят!»

Затем, что она исповедует примус,
Затем, что она меж людьми, как в лесу, —
Мою угловатую непримиримость
К мышиной судьбе я, как знамя, несу.

Мне хочется расколдовать ее морок,
Взять под руку мать, как слепое дитя,
От противней чадных, от жирных конфорок
Увесть ее на берег мира, хотя

Я знаю: он будет ей чуден и жуток,
Тот солнечный берег житейской реки...
Слепую от шор, охромевшую в путах,
Я все ж поведу ее, ей вопреки!

СЕРДЦЕ

Дивчину пытает казак у плетня:
— Когда ж ты, Оксана, полюбишь меня?
Я саблей добуду для крали своей
И светлых цехинов, и звонких рублей! —
Дивчина в ответ, заплетая косу:
— Про то мне ворожка гадала в лесу.
Пророчит она: мне полюбится тот,
Кто матери сердце мне в дар принесет.
Не надо цехинов, не надо рублей,
Дай сердце мне матери старой твоей.
Я пепел его настою на хмелю,
Настоя напьюсь — и тебя полюблю! —
Казак с того дня замолчал, захмурел,
Борща не хлебал, саламаты не ел.
Клинком разрубил он у матери грудь
И с ношей заветной отправился в путь.
Он сердце ее на цветном рушнике
Коханой приносит в косматой руке.
В пути у него помутилось в глазах,
Всходя на крылечко, споткнулся казак.
И матери сердце, упав на порог,
Спросило его: «Не ушибся, сынок?»

МАТЬ

Любимого сына старуха в поход провожала,
Винцо подносила, шелковое стремя держала.
Он сел на коня и сказал, выезжая в ворота:
«Что ж! Видно, такая уж наша казачья работа!
Ты, мать, не помри без меня от докуки и горя:
Останусь в живых, так домой ворочусь из-за моря.
Жди в гости меня, как на север потянутся гуси!..»
— «Ужо не помру! — отвечала старуха. — Дождуся!»

Два года она простояла у тына. Два года

На запад глядела: не едет ли сын из похода?
На третьем году стала смерть у ее изголовья.
«Пора! — говорит. — Собирайся на отдых,
Прасковья!»
Старуха сказала: «Я рада отдать тебе душу,
Да как я свою материнскую клятву нарушу?
Покуда из дома хлеб-соль я не вынесу сыну,
Я смертное платье свое из укладки не выну!»

И смерть поглядела в кувшин с ледяною водою.
«Судьбина, — сказала, — грозит ему горькой бедою:
В неведомом царстве, где небо горячее сине,
Он, жаждой томясь, заблудился в безводной пустыне.
Коль ты мне без спора отдашь свое старое тело,
Пожалуй, велю я, чтоб тучка над ним пролетела!»

И матери слезы упали на камень горючий,
И солнце над сыном затмилось прохладною тучей.
И к влаге студеной прильнул он сухими губами,
И мать почему-то пришла удалому на память!..

А смерть закричала: «Ты что ж меня, баба, морочишь?
Сынка упасла, а в могилу ложиться не хочешь?»
И мать отвечала: «Любовь, знать, могилы сильнее!
На что уж ты — сила, а что ты поделаешь с нею?
Не гневайся, матушка. Сядь. Подожди, коли хочешь,
Покуда домой из похода вернется сыночек!»

Смерть глянула снова в кувшин с ледяною водою.
«Судьбина, — сказала, — грозит ему новой бедою:
Средь бурного моря сынок твой скитается ныне,
Корабль его тонет. Он гибнет в глубокой пучине.
Коль ты мне без спора отдашь свою грешную душу,
Пожалуй, велю я волне его кинуть на сушу!»

И смерть замахнулась косой над ее сединою.
И к берегу сына прибило могучей волною,
И он заскучал по родному далекому дому
И плеткой своей постучал в подоконник знакомый.

«Ну! — молвила смерть. — Я тут попусту времечко
трачу!
Тебе на роду написали, я вижу, удачу:
Ты сыну, не мне, отдала свою душу и тело.
Так вот он стучится. Милуйся же с ним как хотела!»

БЕСЕДА

На улице пляшет дождик. Там тихо, темно и сыро.
Присядем у нашей печки и мирно поговорим.
Конечно, с ребенком трудно. Конечно, мала квартира.
Конечно, будущим летом ты вряд ли поедешь в Крым.

Еще тошноты и пятен даже в помине нету,
Твой пояс, как прежде, узок, хоть в зеркало посмотри!

Но ты по неуловимым, по тайным женским приметам
Испуганно догадалась, что у тебя внутри.

Не скоро будить он станет тебя своим плачем тонким
И розовый круглый ротик испачкает молоком.
Нет, глубоко под сердцем, в твоих золотых потемках,
Не жизнь, а лишь завязь жизни завязана узелком.

И вот ты бежишь в тревоге прямо к гомеопату.
Он лыс, как головка сыра, и нос у него в угрях,
Глаза у него навыкат и борода лопатой.
Он очень ученый дядя — и все-таки он дурак!

Как он самодовольно пророчит тебе победу!
Пятнадцать прозрачных капель он в склянку твою
нальет.
— Пять капель перед обедом, пять капель после обеда —
И все как рукой снимает! Пляшите опять фокстрот!

Так, значит, сын не увидит, как флаг над Советом
вьется?
Как в школе Первого мая ребята пляшут гурьбой?
Послушай, а что ты скажешь, если он будет Моцарт,
Этот неживший мальчик, вытравленный тобой?

Послушай, а если ночью вдруг он тебе приснится,
Приснится и так заплачет, что вся захолонешь ты,
Что жалко взмахнут в испуге подкрашенные ресницы.
И волосы разовьются, старательно завиты,

Что хлынут горькие слезы и начисто смоют краску,
Хорошую, прочную краску с темных твоих ресниц?
Помнишь, ведь мы читали, как в старой английской сказке
К охотнику приходили души убитых птиц.

А вдруг, несмотря на капли мудрых гомеопатов,
Непрошеной новой жизни не оборвется нить!
Как ты его поцелуешь? Забудешь ли, что когда-то
Этою же рукою старалась его убить?

Кудрявых волос, как прежде, туман золотой клубится,
Глазок исподлобья смотрит, лукавый и голубой.
Пускай за это не судят, но тот, кто убил, — убийца.
Скажу тебе правду: ночью мне страшно вдвоем с тобой!

МАТЬ

Война пройдет — и слава богу.
Но долго будет детвора
Играть в «воздушную тревогу»
Среди широкого двора.

А мужики, на бревнах сидя,
Сочтут убитых и калек
И, верно, вспомнят о «планиде»,
Под коей, дескать, человек.

Старуха ж слова не проронит!..
Отворотясь, исподтишка,
Она глаза слепые тронет
Каймою черного платка.

СОЛДАТКА

Ты все спала. Все кислого хотела.
Все плакала. И скоро поняла,
Что и медлительна и полнотела
Вдруг стала оттого, что — тяжела.

Была война. Ты, трудно подбоченясь,
Несла ведро. Шла огород копать.
Твой бородатый ратник-ополченец
Шагал по взгорьям ледяных Карпат.

Как было тяжело и как несладко!
Все на тебя легло: топор, игла,
Корыто, печь... Но ты была солдаткой,
Великорусской женщиной была.

Могучей, умной, терпеливой бабой
С нечастыми сединами в косе...
Родился мальчик. Он был теплый, слабый,
Пискливый, красный, маленький, как все.

Как было хорошо меж сонных губок
Вложить ему коричневый сосок
Набухшей груди, полной, словно кубок,
На темени пригладить волосок,

Прислушаться, как он сосет, перхая,
Уставившись неведомо куда,
И нянчиться с мальчишкой, отдыхая
От женского тяжелого труда...

А жизнь тебе готовила отместку:
Из волостной управы понятой
В осенний день принес в избу повестку.
Дурная весть была в повестке той!

В ней говорилось, что в снегах горбатых,
Зарыт в могилу братскую, лежит,
Германцами убитый на Карпатах,
Твой работящий пожилой мужик.

Как убивалась ты! Как голосила!
И все-таки, хоть было тяжело,
Мальчишка рос, он наливался силой,
Тянулся вверх, всем горестям назло.

А время было трудное!.. Бывало,
Стирала ты при свете ночника
И, что могла, для сына отрывала
От своего убогого пайка.

Всем волновалась: ртом полуоткрытым,
Горячим лбом, испариной во сне.
А он хворал. Краснухой. Дифтеритом.
С другими малышами наравне.

Порою из рогатки бил окошки,
И люди говорили: «Ох, бедов!» —
Порою с ходу прыгал на подножки
Мимо идущих скорых поездов...

Мальчишка вырос шустрый, словно чижик,
Он в школу не ходил, а несся вскачь.
Ах, эта радость первых детских книжек
И горечь первых школьных неудач!

А жизнь вперед катилась час за часом.
И вот однажды, раннею весной,
Ломающимся юношеским басом
Заговорил парнишка озорной.

И все былое горе малой тучкой
Представилось тебе, когда сынок
Принес, богатый первою получкой,
Тебе в подарок кубовый платок.

Ты стала дряхлая, совсем седая...
Тогда ухватами в твоей избе
Загрохала невестка молодая.
Вот и нашлась помощница тебе!

А в уши все нашептывает кто-то,
Что краток день счастливой тишины:
Есть материнства женская работа
И есть мужской тяжелый труд войны.

Недаром сердце ныло беспокоясь:
Она пришла, военная страда.
Сынка призвали. Дымный красный поезд
Умчал его неведомо куда.

В тот день в прощальной суете вокзала,
Простоволоса и, как мел, бела,
Твоя сноха всплакнула и сказала,
Что от него под сердцем понесла.

А ты, очки связав суровой ниткой,
Гадала: мертвый он или живой?
И подолгу сидела над открыткой
С неясным штампом почты полевой.

Но сын умолк. Он в воду канул будто!
Что говорить? Беда приходит вдруг!
Какой фашист перечеркнул в минуту
Все двадцать лет твоих надежд и мук?

Твой мертвый сын лежит в могиле братской,
Весной ковыль начнет над ним расти.
Его басок с хрипотцею солдатской
Меня ночами просит: — Отомсти!

За то, что в землю ржавою лопатой
Зарыта юность жаркая моя,
За старика, что умер на Карпатах
От той же самой пули, что и я.

За мать, что двадцать лет, себе на горе,
Промаялась бесплодной маетой,
За будущего мальчика, что вскоре
На белый свет родится сиротой!

Ей будет нелегко его баюкать:
Она одна. Нет мужа. Сына нет...
Разбойники! Они убьют и внука —
Не через год, так через двадцать лет!..

И все орудья фронта, каждый воин,
Все бессемеры тыла, как один,
Солдату отвечают: «Будь спокоен!
Мы отомстим! Он будет жить, твой сын!»

Он будет жить! В его могучем теле
Безоблачно продлится жизнь твоя.
Ты пал, чтоб матери не сиротели
И в землю не ложились сыновья!

КРАСОТА

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских
крестьянок,
У рязанских молодок, согбенных трудом,
На току молотящих снопы спозаранок.

У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных картин
Васнецова.

С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чье имя —
Россия!

ВИКТОР ГУСЕВ

МАТЬ И СЫН

В далекий дом в то утро весть пришла,
Сказала так: «Потеря тяжела.
Над снежною рекой, в огне, в бою
Ваш муж Отчизне отдал жизнь свою».
Жена замолкла. Слов не подобрать.
Как сыну, мальчику, об этом рассказать?
Ему учиться будет тяжело.
Нет, не скажу... А за окном мело,
А за окном седой буран орал.
А за окном заводы, снег, Урал.

И в школу тоже весть в тот день пришла.
Сказала: «Школьники, потеря тяжела.
Отец Володи вашего в бою
Отчизне отдал жизнь прекрасную свою».
И сын об этом от товарищей узнал.
Сидел среди друзей, весь вечер промолчал.
Потом пошел домой и думал он: «Как быть?»
И матери решил не говорить.
Ведь нынче в ночь ей на завод идти.
Об этом скажешь — не найдет пути.

С тех пор о нем и вечером и днем
Они друг другу говорят как о живом,
И вспоминают все его слова,
И как он песни пел, как сына целовал,
И как любил скорей прийти домой, —
И он для их любви действительно живой.
Вот только ночью мать слезу смахнет,
В подушку сын украдкою всплакнет,
А утром надо жить, учиться, побеждать.

Как силу их сердец мне передать!

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

МАТЕРИНСКИЕ СЛЕЗЫ

Матери моей Федосье Дмитриевне

Как подули железные ветры Берлина,
как вскипели над Русью военные грозы!
Провожала московская женщина сына...
Материнские слезы,
материнские слезы!..

Сорок первый — кровавое, знойное лето.
Сорок третий — атаки в снега и морозы.
Письмецо долгожданное из лазарета...
Материнские слезы,
материнские слезы!..

Сорок пятый — за Вислу идет расставанье,
землю прусскую русские рвут бомбовозы.
А в России не гаснет огонек ожиданья —
Материнские слезы,
материнские слезы!..

Пятый снег закружился, завьюжил дорогу
над костями врага у можайской березы.
Сын седой возвратился к родному порогу...
Материнские слезы,
материнские слезы!..

ПАВЕЛ ШУБИН

МАТЬ

...Как-то сразу стало тяжело мне:
Я увидел снег и сад... И вспомнил, —
Что подчас проходит стороной,
Давнее, но близкое доныне, —
Детство: в светлом, голубом и синем
Подошло и встало надо мной.

Это было: росы по рассадам,
Листья лопухов, ковыль за садом —
Детства безголосая родня;
Да еще — в пустую степь дорога,
Радость непонятная немного,
Песня жаворонка. Песни дня.

Дома было — тусклая лучина,
Душные, до тошноты, овчины,
Дым, который выедал глаза;
Вонь в печи горящего навоза,
В зиму — ветошь в окнах, от мороза
Белым ворсом легшего в пазах.

Но не этим памятно мне детство...
Не его дешевое наследство
Мне дано сегодня вспоминать —
Боль мою вынашивать такую...
Кто-то умный все, о чем тоскую,
Выразил коротким словом — мать.

До сих пор значенья не утратив,
Самое простое из понятий
Жило в теплых, ласковых тонах:
В дорогой заботе человечьей,
В близком добродушье теплой печи,
В ситцевой заплате на штанах.

И доныне памятной осталась
Тела ее слабого усталость
К вечеру почти любого дня.
И еще я смерть ее запомнил...
В черных, больных трещинах ладони,
Сроду не ласкавшие меня.

Что она жила? Как степь в полыни,
Жизнь ее слегла на половине,
От однообразья отупев;
Мир ее — заплаты да онучи,
Поле, хата, ребятишек куча
Да коза, поставленная в хлев...

По дороге осыпались клены,
Гроб несли. И мокрые вороны
Каркали под ветром, оробев...
Вот и все. Отныне и до века...
Хоть бы фотография в копейку
Памятью осталась о тебе...

Как сказать, что я сейчас, не споря,
Заплачу любовью, жизнью, горем,
Чтобы жизнь короткую твою
Воскресить хотя б на долю мига,
Чтобы ты пришла... и тихо-тихо
Голову погладила мою,

На колени положив... Но знаю,
Что по ветру,
Как мятель сквозная,
Дни мои без промаха пройдут;
Что вернусь припомнить дорогое,
Но увижу кладбище другое
И твоей могилы не найду.

И тогда до боли станет горько,
Что одни слова остались только,
Что с тех пор пошел двадцатый год...
И еще обидней и больнее,
Что теперь я плакать не умею,
Что лица не помню твоего.

Но доныне — тусклая лучина,
Грязные, вонючие овчины,
Отупенье затхлого старья —
Если этим детство прорастало, —
Что же, детство?..
Для тебя осталась
Боль моя и ненависть моя.

АННА АХМАТОВА

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громе влажность есть
Высоких свежих облаков
И вожделение лугов —
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить — по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

ВЕТЕР ВОЙНЫ

(Отрывок)

1

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

2

Постучи кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предам никогда...
Твоего я не слышала стона.
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинок зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

ВЕРОНИКА ТУШНОВА

МАТЬ

Года прошли,
а помню, как теперь,
фанерой заколоченную дверь,
написанную мелом цифру «шесть»,
светильника замасленную жесть,
колышет пламя снежная струя,
солдат в бреду...
И возле койки — я.
И рядом смерть.
Мне трудно вспоминать,
но не могу не вспоминать о нем...
В Москве, на Бронной, у солдата —
мать...
Я знаю их шестиэтажный дом,
московский дом...
На кухне примуса,
похожий на ущелье коридор,
горластый репродуктор,
вечный спор
на лестнице... ребячьи голоса...
Вбегал он, раскрасневшийся, в снегу,
пальто расстегивая на бегу,
бросал на стол с размаху связку
книг —
вернувшийся из школы ученик.
Вот он лежит: не мальчик, а солдат,
какие тени темные у скул,
как будто умер он, а не уснул,
московский школьник... раненый солдат.
Он жить не будет.
Так сказал хирург.
Но нам нельзя не верить в чудеса,
и я отогреваю пальцы рук...
Минута... десять... двадцать...
полчаса...
Снимаю одеяло — как легка
исколотая шприцами рука.
За эту ночь уже который раз
я жизнь держу на острие иглы.
Колючий иней выбелил углы,
часы внизу отбили пятый час...
О, как мне ненавистен с той поры
холодноватый запах камфары!
Со впалых щек сбегает синева,
он говорит невнятные слова,
срывает марлю в спекшейся крови...
Вот так. Еще. Не уступай! Живи!
...Он умер к утру, твой хороший сын.
Твоя надежда и твоя любовь...
Зазолотилась под лучом косым
суровая мальчишеская бровь,

и я таким увидела его,
каким он был на Киевском, когда
в последний раз,
печальна и горда,
ты обняла ребенка своего.

. . . .

В осеннем сквере палевый песок
и ржавый лист на тишине воды...
Все те же Патриаршие пруды,
шестиэтажный дом наискосок,
и снова дети роются в песке...
И, может быть, мы рядом на скамью
с тобой садимся.
Я не узнаю
ни добрых глаз, ни жилки на виске.
Да и тебе, конечно, невдомек,
что это я заплакала над ним,
над одиноким мальчиком твоим,
когда он уходил.
Что одинок
тогда он не был...
Что твоя тоска
мне больше, чем кому-нибудь, близка.

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

К ПОРТРЕТУ МАТЕРИ

Вот предо мною портрет твой с лицом исхудалым.
С братом моим ты сидишь — с малышом годовалым.
Сумрак предгрозья. То восьмидесятые годы.
Первые поиски правды, добра и свободы.
В комнатах низких до света дымят папиросы.
Слухи о стачках.
Студенткою русоволосой,
Глядя задумчиво на облака заревые,
Имя Ульянова ты услыхала впервые.
Машенькой звали тебя. Называла б я мамой,
Да не успела, — потух огонек неупрямый.
Мне рассказали, как ты, озоруя, бывало,
Так же вот с крыш леденцы голубые сбивала,
Как ты читала стихи детворе на деревне,
Как рисовала ты небо, пруды и деревья.
Короток был твой часок небогатый девичий,
Дальше — заботы, да горе, да чинный обычай.

...Сколько могил на елецких, на курских
кладбищах!
Прыгают птицы по плитам, чирикают, свищут.
Сколько осталось в шкатулках отчаянных писем!
Что это здесь, на подчаснике — слезы иль бисер?
Розы из бисера — бедная женская слава;
Дальше — январские проруби, петли, отрава...
Часто, когда по асфальту я звонко шагаю,
Память, как слезы, мне на душу вдруг набегает.
Я вспоминаю товарищей — женщин погибших,
Нашего воздуха ртом пересохшим не пивших,
Душные спальни — бараки и труд непосильный.
Свод каземата мне видится, сумрак могильный,
Синие губы закушены... Окрик жандармов...
Сестры! Земной вам поклон от сестер благодарных!

...Ты умирала, заброшена, в горнице темной,
Не в каземате, но в мира темнице огромной.
В заросли трав я могилы твоей не нашла,
Только метелку душицы к губам поднесла,
Думая: если бы, если бы ты поглядела,
Как нас волной подхватило высокое дело,
Как, просыпаясь, я счастлива дружбой, работой,
Как я волнуюсь одною с отчизной заботой.
Небо над нами качается деревом звездным,
Вместе б идти нам с тобой по равнинам морозным!
Мы бы с тобою, наверно, подругами стали,
Вместе бы мы «По военной дороге» певали.

...Ты мне оставила старый некрасовский том.
Слышу твой голос в напеве угрюмом, простом.
Вот раздвигаются губы твои на портрете,
Верно, читаешь на память «Крестьянские дети».
Тени тихонько ложатся на впалые щеки.
Спи — я дышу за двоих нашим ветром высоким.

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

МАТЕРИ

Не думай, мать,
                    об убежавшем сыне, —
Я лучших дней у жизни не прошу.
Всегда, всегда
                    к Октябрьской годовщине
Я благодарные стихи пишу.

Пишу про те скрипучие полати,
Где по ночам ворочалась нужда.
Пишу о том,
                    что в нашей низкой хате
Плывут огни по медным проводам;

Пишу о том, как межи нас душили,
Как ставил голод серые кресты,
И что теперь в поля идут машины,
И что хлеба высоки и густы.

Родная мать, молящаяся небу!
Родная мать, покорная судьбе!
Скажи,
          не ты ль приклеивала хлебом
Портреты Ленина в своей избе?

И вечерами, примостившись к свету,
Не ты ль стыдливо просишь у снохи
Прочесть тебе ту самую газету,
В которой сын печатает стихи?

И если б старость утопить
                                        в пучине,
Ты побежала бы за мною вслед.
Вот почему
                    к Октябрьской годовщине
Я каждый раз пишу тебе привет.

В ГОСТИ ПРИЕХАЛА ДОЧЬ

Теплой весной под родимую кровлю
В гости приехала дочь...
Села старуха к ее изголовью
И не заснула всю ночь.

Словно над малым ребенком, сидела
В тихой и темной избе, —
То ль она думала, то ль она пела
Песню о женской судьбе:

— Вот оно дело случилось какое,
Как повернулось оно! —
Сила, и разум, и счастье людское —
Все тебе, дочка, дано.

Честно ты служишь советскому краю,
Будь же такою всегда...
Я теперь часто сижу, вспоминаю
Горькие наши года:

Как мы с тобой голодали когда-то,
Как замерзали зимой,
Как проводили отца на Карпаты
И не дождались домой.

Я, как сейчас, над тобою сидела,
В долгие ночи скорбя.
Ты еще думать тогда не умела,
Думала я за тебя.

Только своей головою понурой
Что я придумать могла?
Торбу надела, тебя пригорнула,
Перекрестилась, пошла...

Долго б терпели мы смертную муку.
Мерзли б по всем большакам,
Если бы Ленин надежную руку
Не протянул беднякам.

Дал он народу великое право,
С плеч моих снял он суму.
Низкий поклон ему, вечная слава,
Вечная память ему!..

Все свои думы в тебя я вложила,
Всю свою душу и жизнь.
Помнишь, тогда я тебе говорила:
«Дочка, старайся, учись!

Мать прожила, как слепая, без света, —
Сроду не трогала книг.
Дочка, старайся и помни об этом,
Сразу учись за двоих...»

Все у тебя по-хорошему вышло,
Словно предвидела я;
Все тебе видно, и все тебе слышно,
Радость и гордость моя!

Будь же счастливой, живи на просторе,
Дальше и дальше иди.
Я ничего не видала за горем, —
Ты за меня погляди.

Пусть широка твоя будет дорога,
И широка и светла.
Мне уж теперь остается немного —
Сила моя отошла.

Что же, об этом жалеть я не стану, —
То, что ушло, не вернешь;
Если засохну я, если завяну —
Ты за меня доживешь.

Пусть твое солнце горит, не сгорая,
День ли наступит, иль ночь...

* * *

Теплой весною из дальнего края
В гости приехала дочь.

СПОЙ МНЕ, СПОЙ, ПРОКОШИНА...

Памяти моей матери

Спой мне, спой, Прокошина,
Что луга не скошены,
Что луга не скошены,
Стежки не исхожены.
Пусть опять вспомянется
Все, что к сердцу тянется,
Пусть опять почудится
Все, что не забудется:

Сторона далекая,
Хата в два окна,
В поле рожь высокая,
Теплая весна,
Ельники, березники
И друзья-ровесники...

Под отцовской крышею
Здесь я жил и рос,
Здесь ребячье первое
Слово произнес.
И отсюда в юности
Начал долгий путь,
Чтоб судьбу счастливую
Встретить где-нибудь,
Чтоб свое законное
Место отыскать.
И меня за росстани
Проводила мать.
Обняла, заплакала...
— Ну, сынок, иди!.. —
И осталась, бедная,
Где-то позади.
И осталась, горькая,
На закате дня —
Думать и надеяться,
Ожидать меня.

И мне часто чудится,
Что сидит она
И глазами блеклыми
Смотрит из окна.
Смотрит — не покажется ль
Пыль на большаке,
Смотрит — не появится ль
Путник вдалеке.
Может быть, появится,
Может, это я...

И опять мне хочется
В дальние края.
В дальние, смоленские,
К матери родной,
Будто не лежит она
В поле под сосной,
Будто выйдет, старая,
Встретит у ворот
И со мною под вечер
На поля пойдет;
Станет мне рассказывать
Про вчерашний сон,
Про дожди весенние,
Про колхозный лен;
Станет мне показывать
Все места подряд,
Где мальчишкой бегал я
Много лет назад;
Где луга зеленые
Вместе с ней косил

И куда ей завтраки
Я в жнитво носил...

Все опять припомнится,
Встанет предо мной,
Будто не лежит она
В поле под сосной;

Будто теплым вечером
Смотрит из окна,
А кругом — широкая,
Дружная весна...

Спой же, спой, Прокошина,
Что трава не скошена...

МАТЬ

Героическим женщинам Испанской Республики

Солнце жжет. Тиха долина.
Отгремел в долине бой...
— Где ж ты, дочка? Где ж ты, Лина?
Что случилося с тобой?

Иль твое не слышит ухо?
Иль дошла ты до беды?
Отзовись! — твоя старуха
Принесла тебе воды.

Дочь молчит, не отвечает,
Не выходит наперед,
Мать родную не встречает,
Ключевой воды не пьет.

Спит она под солнцем жгучим,
Спит она с ружьем в руке
На сыпучем, на горючем,
Окровавленном песке.

Платье девичье измято,
И растрепана коса,
И, не двигаясь, куда-то
Смотрят темные глаза.

Мать сама глаза закрыла —
Молчалива и проста;
Мать сама ее зарыла
У зеленого куста.

Положила серый камень
На могилу на ее,
Прядь волос взяла на память
И еще взяла ружье.

И по горным переходам,
Через камни и пески,
Со своим пошла народом
На фашистские полки.

За страну пошла родную,
За великие дела
И за воду ключевую,
Что не выпита была.

Сердце — в гневе, сердце — в горе,
Сердце плачет и поет:
«По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед».

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С не сжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей, —
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,

Все чаще — недобрая весть.
И ты перед всею страною,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросалися в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начиненных тобой.

За все ты бралася без страха,
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела иглой и пилой.

Рубила, возила, копала —
Да разве же все перечтешь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живешь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву, шептал, как молитву,
Далекое имя твое...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Месяц над нашею крышею светит,
Вечер стоит у двора.
Маленьким птичкам и маленьким детям
Спать наступила пора.

Завтра проснешься — и ясное солнце
Снова взойдет над тобой...
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

Спи, моя крошка, мой птенчик пригожий, —
Баюшки-баю-баю.
Пусть никакая печаль не тревожит
Детскую душу твою.

Ты не увидишь ни горя, ни муки,
Доли не встретишь лихой...
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

Спи, мой малыш, вырастай на просторе, —
Быстро промчатся года.
Смелым орленком на ясные зори
Ты улетишь из гнезда.

Даст тебе силу, дорогу укажет
Родина мудрой рукой...
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

ПЕСНЯ

Сам не помню и не знаю
Этой старой песни я,
Ну-ка, слушай, мать родная,
Митрофановна моя.

Под иголкой на пластинке
Вырастает песня вдруг,
Как ходили на зажинки
Девки, бабы через луг.

Вот и вздрогнула ты, гостья,
Вижу, песню узнаешь...
Над межой висят колосья,
Тихо в поле ходит рожь.

В знойном поле сиротливо
День ты кланяешься, мать.
Нужно всю по горстке ниву
По былинке перебрать.

Бабья песня. Бабье дело.
Тяжелеет серп в руке.
И ребенка плач несмелый
Еле слышен вдалеке.

Ты присела, молодая,
Под горячею копной.
Ты забылась, напевая
Эту песню надо мной.

В поле глухо, сонно, жарко.
Рожь стоит — не перестой.
...Что ж ты плачешь? Песни ль жалко
Или горькой жизни той?

Или выросшего сына,
Что нельзя к груди прижать?..
На столе поет машина,
И молчит старуха мать.

МАТЬ И ДОЧЬ

Мчится в поле машина,
Пыль клубится за ней...
— Не к тебе ль, Катерина?..
— Видно, к дочке моей..

Мимо льна молодого
Проезжает как раз.
— Кто здесь будет Фролова?
— Две Фроловых у нас.

Катерина Фролова —
Это вот она — я,
А Наталья Фролова
Будет дочка моя.

Вон в платочке бордовом,
Можно кликнуть сейчас.
— Нет, товарищ Фролова,
Мы-то лично до вас...

Усмехнулась и руки
Отряхнула она.
— Ну, бросайте, подруги,
Что ж, я выйду одна?..

И по льну осторожно,
Точно вброд босиком,
На лужок придорожный
Все выходят гуськом.

А в тени от машины
Встали строем одним —
Седоусый мужчина
И две женщины с ним.

— Вот, товарищ Фролова,
За высокий ваш лен
От колхоза «Основа»
Вам привет и поклон.

Весь колхоз вам желает
Жить в здоровье сто лет.
Весь колхоз выдвигает
Вас в Верховный Совет.

За уход ваш любовный,
За талант и за труд
Все кругом поголовно
Голоса отдадут...

Отступив, побледнела,
Губы вытерла мать.
На своих поглядела,
На приезжих опять.

Поклонилась: — Ну, что же...
Всем спасибо мое...
Только дочь... помоложе,
Может, лучше ее?

И тогда виновато
Гость руками развел:
— Если б ехали в сваты,
Так о чем разговор!..

И, как ветром волнуем,
Колыхнулся народ:
Мать поздравить родную
Дочь родная идет.

Мать смуглее и строже,
Дочь светлей и стройней.
Но глазами похожи
И осанкою всей.

Столько сдержанной силы
И у той и у той.
И одною красивы
Строгой кровной красой.

Взгляд и облик тот самый,
И простые черты...
...Мама, что же ты, мама,
Уж не плачешь ли ты?..

* * *

Не стареет твоя красота,
Разгорается только сильней.
Пролетают неслышно над ней,
Словно легкие птицы, лета.

Не стареет твоя красота.
А росла ты на жесткой земле,
У людей, не в родимой семье,
На хлебах, на тычках, сирота.

Не стареет твоя красота,
И глаза не померкли от слез.
И копна темно-русых волос
У тебя тяжела и густа.

Все ты горькие муки прошла,
Все ты вынесла беды свои.
И живешь и поешь, весела
От большой, от хорошей любви.

На своих ты посмотришь ребят,
Радость матери нежной проста:
Все в тебя, все красавцы стоят,
Как один, как орехи с куста.

Честь великая рядом с тобой
В поле девушке стать молодой.
Всюду славят тебя неспроста, —
Не стареет твоя красота.

Ты идешь по земле молодой —
Зеленеет трава за тобой.
По полям, по дорогам идешь —
Расступается, кланяясь, рожь.

Молодая береза в лесу
Поднялась, и ровна и бела.
На твою она глядя красу,
Горделиво и вольно росла.

Не стареет твоя красота.
Слышно ль, женщины в поле поют, —
Голос памятный все узнают —
Без него будто песня не та.

Окна все пооткроют дома,
Стихнет листьев шумливая дрожь.
Ты поешь! Потому так поешь,
Что ты песня сама.

МАТЕРИ

И первый шум листвы еще неполной,
И след зеленый по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо —
Мне всякий раз тебя напоминают.

МАТЬ И СЫН

На родного сына
Молча смотрит мать.
Что бы ей такое
Сыну пожелать?

Пожелать бы счастья —
Да ведь счастлив он.
Пожелать здоровья —
Молод и силен.

Попросить, чтоб дольше
Погостил в дому, —
Человек военный,
Некогда ему.

Попросить, чтоб только
Мать не забывал, —
Но ведь он ей письма
С полюса писал.

Чтоб не простудиться,
Дать ему совет?
Да и так уж больно
Он тепло одет.

Указать невесту —
Где уж! Сам найдет.
Что бы ни сказала —
Ясно наперед.

На родного сына
Молча смотрит мать.
Нечего как будто
Пожелать, сказать.

Верит — не напрасно
Сын летать учен.
Как ему беречься, —
Лучше знает он.

Дело, что полегче,
Не ему под стать.
Матери, да чтобы
Этого не знать!

Он летал далеко,
Дальше полетит.
Трудно — перетерпит.
Больно — промолчит.

А с врагом придется
Встретиться в бою —
Не отдаст он даром
Голову свою.

Матери — да чтобы
Этого не знать...
На родного сына
Молча смотрит мать.

МАТЬ ГЕРОЯ

Из деревни отдаленной
Пишет в полк старуха мать.
Пишет Лаптева Олена,
Просит правду отписать.

Отписать, ответить вскоре, —
Хоть простым, хоть заказным:
Что так долго сын Григорий
Ей не пишет? Что там с ним?

Как он, родный, где он, кровный? —
В ночь, до света не заснуть,
Не забыться. — Жив, здоров ли
Или вовсе что-нибудь...

Край не близкий, свет — не хата, —
Ничего не слышит мать.
Или почта виновата?
Так ли, нет ли — только б знать...

День за днем идут, проходят,
Все гадает про ответ.
То на сердце легче вроде,
То подступит — мочи нет.

Умываться ль станет кошка,
Нож ли на пол упадет,
Снег ли хрустнет под окошком —
И, не веря, сердце ждет.

Час пришел. Стоял морозец.
Послыхала из сеней —
Скрипнул близко письмоносец
Сумкой кожаной своей.

И в тоске невыразимой
Сжала руки на груди.
Проходи ты, горе, мимо,
На порог не заходи.

Вот письмо. Письмо про сына.
Заняла дыханье боль.
Правды всей сама просила,
Да узнать ее легко ль?

Как прочесть письмо такое?
Только радость с первых слов:

«Сын ваш Лаптев, храбрый воин,
Жив, и весел, и здоров.
Сообщить Вам нынче рады,
Что за редкий подвиг — он
Самой высшею наградой
По Указу награжден.
Он стоит, герой, на страже,
И от нашего лица,
От полка, спасибо наше
Вам за сына-храбреца.
Шлем его привет сыновний,
Он еще напишет сам...»
Под последней строчкой ровной
Подпись книзу: комиссар...

Что прошло — минута, час ли
Или канул год в дыму?
Не бывало столько счастья
Сразу, вдруг, в одном дому.

И пришло на память старой
Все, что может вспомнить мать...

Хорошо и комиссару
Весть такую посылать...

ПИСЬМО

Здравствуй, милая мама.
Шлю, родная, привет —
Самый пламенный, самый,
Самый... слов даже нет!

Мама, честное слово,
Ты б хоть раз поняла:
Я жива, я здорова,
Я — какая была.

Впрочем, та ли, другая —
Разберешься сама.
Я как раз отдыхаю,
Добралась до письма.

Тихо, тихо в землянке,
Чуть почувствуешь тут,
Как тяжелые танки
По дороге пройдут.

Столик — ящик на ящик,
Вата, бинт под рукой,
Вот и весь на образчик
Мой приемный покой.

На печурке кирпичной —
Круглосуточный чай.
Все обычно, привычно
И — живи, не скучай.

Знаешь, милая мама...
Нет, послушай сперва,
Не девчонки упрямой,
Это — друга слова.

Я в пути возмужала,
Был нелегок он, путь,
Стала крепче, пожалуй,
И постарше чуть-чуть.

Нынче все ничего мне.
А бывало — нет сил.
Первый раненый, помню,
Мне воды подносил...

Я вздохнуть избегаю,
Это можно потом.
Я ведь врач, дорогая,
И военный притом.

А когда перевязка
Затяжная идет —
Тут и ласка и сказка,
Тут и присказка — в ход.

Тут — что надо, то надо,
И держись до конца.
Но какая награда —
Встретить после бойца.

Вот он вылечил руку,
Возвращается в бой.
Как с товарищем-другом,
Говорит он с тобой.

И тебе той рукою
Руку жмет человек.
И спасибо такое,
Что запомнишь навек.

Тут — секунда, другая —
И в карман, за платком,
Хоть и врач, дорогая,
И военный притом.

Но какие все люди
И какие друзья!
Пусть же памятна будет
Им хоть ласка твоя...

Я останусь. Так нужно,
Так мне лучше самой.
Наша старая дружба
Неразрывна с тобой.

И над стопкой тетрадок,
Как из школы придешь,
Плакать, мама, не надо:
Будет сон нехорош.

Выпей чашечку чаю,
Я уж выпила тут.
И... кончаю, кончаю:
Там больного несут...

До свидания, мама,
Не грусти от письма,
Шлю привет тебе самый,
Самый... знаешь сама!

МАТЬ

Все забрали — хлеб, муку и сало,
Все углы обшарили в дому
У старухи. Слова не сказала:
Людям говорят, а тут кому?
И маячит тенью одинокой
Под своими окнами она.
Велика война, сыны далеко,
И народ в лесах — кругом война.
В огороде вытоптаны гряды,
Яблоки оборваны с листвой.
Все видала строгим скрытым взглядом
И седой кивала головой.
Молча обходила их сторонкой,
Берегла не скарб свой, не жилье, —
Одного боялась — за девчонку, —
Только б не приметили ее.
Берегла, из рукава кормила,
А когда увидела: идут, —
Обняла: «Беги — покуда силы,
Родненькая, лучше пусть убьют».
И сама, как птица-мать, навстречу —
Отвести врага на малый срок.
И схватил один ее за плечи,
А другой сорвал с нее платок.
Но какой огонь еще был спрятан
В этой слабой, высохшей груди!
Усмехнулась, глядя на солдата:
— Со старухой справился? Веди! —
Повели, поволокли на муки
За любовь и честь держать ответ.
Заломили ей, связали руки —
Руки, что трудились столько лет.
Что варили пищу, рожь косили,
Что соткали версты полотна,
Что сынов-богатырей взрастили, —
Далеко сыны. Кругом война...
Били — не убили. Как собаку,
Бросили. Очнулась от росы.
— Вот и ладно. Можно хоть поплакать,
Чтобы слез не увидали псы... —
Под родимым небом деревенским,
Что роилось звездами над ней,
Стала плакать на голос, по-женски,

Вспоминать далеких сыновей.
Велика война, сыны далеко,
Не услышат, что тут шепчет мать.
Ленушка, Ленок мой синеокий,
Хоть бы ты успела убежать.
И забылась мать в мечтах о детях,
На сырой земле теряя кровь.
И очнулась рано на рассвете, —
Русские в село вступали вновь.
Подобрали ловко, аккуратно
Старую, измученную мать.
Не своя, но было всем приятно
Матерью старуху называть.
И она — хоть никого не знала,
Кто воды ей подал, кто помог, —
Каждого от сердца называла
Ласково и радостно:
— Сынок...

ПАМЯТИ МАТЕРИ

I

Прощаемся мы с матерями
Задолго до крайнего срока —
Еще в нашей юности ранней,
Еще у родного порога;

Когда нам платочки, носочки
Уложат их добрые руки,
А мы, опасаясь отсрочки,
К назначенной рвемся разлуке.

Разлука еще безусловней
Для них наступает попозже,
Когда мы о воле сыновней
Спешим известить их по почте.

И, карточки им посылая
Каких-то девчонок безвестных,
От щедрой души позволяем
Заочно любить их невесток.

А там — за невестками — внуки...
И вдруг назовет телеграмма
Для самой последней разлуки
Ту старую бабушку мамой.

II

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было — холода и голода.

Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь зайдет про все про то, что минуло,
Как не хотелось там ей помирать, —
Уж очень было кладбище немилое.

Кругом леса без края и конца —
Что видит глаз — глухие, нелюдимые.
А на погосте том — ни деревца,
Ни даже тебе прутика единого.

Так-сяк, не в ряд нарытая земля
Меж вековыми пнями да корягами,
И хоть бы где подальше от жилья,
А то — могилки сразу за бараками.

И ей, бывало, виделись во сне
Не столько дом и двор со всеми справами,
А взгорок тот в родимой стороне
С крестами под березами кудрявыми.

Такая то краса и благодать,
Вдали большак, дымит пыльца дорожная.
— Проснусь, проснусь, — рассказывала мать, —
А за стеною — кладбище таежное...

Теперь над ней березы хоть не те,
Что снились за тайгою чужедальнею.
Досталось прописаться в тесноте
На вечную квартиру коммунальную,

И не в обиде. И не все ль равно,
Какою метой вечность сверху мечена.
А тех берез кудрявых — их давно
На свете нету. Сниться больше нечему.

III

Как не спеша садовники орудуют
Над ямой, заготовленной для дерева:
На корни грунт не сваливают грудою,
По горсточке отмеривают.

Как будто птицам корм из рук,
Крошат его для яблони.
И обойдут приствольный круг
Вслед за лопатой граблями...

Но как могильщики — рывком —
Давай, давай без передышки, —
Едва свалился первый ком,
И вот уже не слышно крышки.

Они минутой дорожат,
У них иной, пожарный навык:
Как будто откопать спешат,
А не закапывают навек.

Спешат — меж двух затяжек срок —
Песок, гнилушки, битый камень
Кой-как содвинуть в бугорок,
Чтоб завалить его венками...

Но ту сноровку не порочь —
Оправдан этот спех рабочий:
Ведь ты им сам готов помочь,
Чтоб только все — еще короче.

IV

> Перевозчик-водогребщик,
> Парень молодой,
> Перевези меня на ту сторону,
> Сторону — домой...
>
> *Из песни*

— Ты откуда эту песню,
Мать, на старость запасла?
— Неоткуда — все оттуда,
Где у матери росла.

Все из той своей родимой
Приднепровской стороны,
Из далекой-предалекой
Деревенской старины.

Там считалось, что прощалась
Навек с матерью родной,
Если замуж выходила
Девка на берег другой.

— Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Давней молодости слезы.
Не до тех девичьих слез,
Как иные перевозы
В жизни видеть привелось.

Как с земли родного края
Вдаль спровадила пора.
Там текла река другая —
Шире нашего Днепра.

В том краю леса темнее,
Зимы дольше и лютей,
Даже снег визжал больнее
Под полозьями саней.

Но была, пускай не пета,
Песня в памяти жива.
Были эти на край света
Завезенные слова:

— Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Отжитое — пережито,
А с кого какой же спрос?
Да уже неподалеку
И последний перевоз.

— Перевозчик-водогребщик,
Старичок седой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

* * *

Вот опять ты мне вспомнилась,
мама,
и глаза твои, полные слез,
и знакомая с детства панама
на венке поредевших волос.

Оттеняет терпенье и ласку,
потемневшая в битвах Москвы,
материнского воинства каска —
украшенье седой головы.

Все стволы, что по русским
стреляли,
все осколки чужих батарей
неизменно в тебя попадали,
застревали в одежде твоей.

Ты заштопала их, моя мама,
но они все равно мне видны,
эти грубые длинные шрамы —
беспощадные метки войны...

Дай же, милая, я поцелую,
от волненья дыша горячо,
эту бедную прядку седую
и задетое пулей плечо.

В дни, когда из окошек вагонных
мы глотали движения дым
и считали свои перегоны
по дорогам к окопам своим,

как скульптуры из ветра и стали,
на откосах железных путей
днем и ночью бессменно стояли
батальоны седых матерей.

Я не знаю, отличья какие,
не умею я вас разделять:
ты одна у меня, как Россия,
милосердная русская мать.

Это слово протяжно и кратко
произносят на весях родных
и младенцы в некрепких кроватках,
и солдаты в могилах своих.

Больше нет и не надо разлуки,
и держу я в ладони своей
эти милые трудные руки,
словно руки России моей.

МАМА

Добра моя мать. Добра, сердечна.
Приди к ней —
увенчанный и увечный —
делиться удачей,
печаль скрывать —
чайник согреет, обед поставит,
выслушает, ночевать оставит:
сама — на сундук,
а гостям — кровать.

Старенькая. Ведь видала виды,
знала обманы, хулу, обиды.
Но не пошло ей ученье впрок.
Окна погасли. Фонарь погашен.
Только до позднего
в комнате нашей
теплится радостный огонек.

Это она над письмом склонилась.
Не позабыла, не поленилась —
пишет ответы во все края:
кого — пожалеет,
      кого — поздравит,
кого — подбодрит, а кого — поправит,
совесть людская — мама моя.

Долго сидит она над тетрадкой,
отодвигая седую прядку
(дельная — рано ей на покой),
глаз утомленных не закрывая,
ближних и дальних обогревая
своею лучистою добротой.

Всех бы приветила,
         всех сдружила,
всех бы знакомых переженила.
Всех бы людей за столом собрать,
а самой оказаться — как будто! —
                              лишней,
сесть в уголок и оттуда неслышно
за шумным праздником наблюдать.

Мне бы с тобою все время ладить,
все бы морщинки твои разгладить.
Может, затем и стихи пишу,
что, сознавая мужскую силу,
так, как у сердца меня носила,
в сердце своем я тебя ношу.

ПЕСНЯ

Мать ждала для сына легкой доли —
сын лежит, как витязь, в чистом поле.

В чистом поле, на земле советской,
пулею подкошенный немецкой.

Мать ждала для дочери венчанья,
а досталось дочери молчанье.

Рыжие фельдфебели в подвале
три недели доченьку пытали.

Три недели в сумраке подвала
ничего она им не сказала.

Только за минуту до расстрела
вспомнила про голос и запела.

Ах, не плачет мать и не рыдает,
имена родные повторяет.

Разве она думала-рядила,
что героев Времени растила?

В тонкие пеленки пеленала,
в теплые сапожки обувала.

МИЛЫЕ КРАСАВИЦЫ РОССИИ

В буре электрического света
умирает юная Джульетта.

Праздничные ярусы и ложи
голосок Офелии тревожит.

В золотых и темно-синих блестках
Золушка танцует на подмостках.

Наши сестры в полутемном зале,
мы о вас еще не написали.

В блиндажах подземных, а не в сказке
наши жены примеряли каски.

Не в садах Перро, а на Урале
вы золою землю удобряли.

На носилках длинных под навесом
умирали русские принцессы.

Возле, в государственной печали,
тихо пулеметчики стояли.

Сняли вы бушлаты и шинели,
старенькие туфельки надели.

Мы еще оденем вас шелками,
плечи вам согреем соболями.

Мы построим вам дворцы большие,
милые красавицы России.

Мы о вас напишем сочиненья,
полные любви и удивленья.

БОРИС РУЧЬЕВ

ПРАВДА В ПЕСНЕ, ЧТОБЫ МАТЬ НЕ ЗНАЛА

В голодный час, напомнив о знакомом,
манят меня к себе издалека —
звезда полей над ветхим отчим домом
и матери печальная рука.

Покрыв седины старым полушалком,
за двери дома тихо выйдет мать,
последний хлеб подаст она гадалкам
и обо мне попросит погадать.

И скажут ей:
— Гнездо родное свято,
храни, голубка, кровлю и еду...
Всегда на волю рвутся голубята,
покамест не нарвутся на беду.

А в мире вольном голод плечи сушит,
костер войны пылает до небес,
на землю птицы падают со стужи
и злых людей непроходимый лес.

И, опалив в краях далеких перья,
не в силах жар и холод перенесть,
придет твой сын,
как нищий, стукнет дверью
и на пороге тихо спросит есть.

Пшеничный корм наполнит кровью жилы,
железной крышей сын покроет дом,
и станет жить — легко, как деды жили,
засыпав к зиме горницу зерном.

И пусть сто туч плывет с огнем и громом —
железной крыши им не поломать...

Горит звезда полей над отчим домом,
от добрых слов устало дремлет мать.

Я не сомну последний цвет на грядке,
усталых птиц не трону на лугу —
и в белых письмах, ласковых и кратких,
не в первый раз, родимая, солгу.

Я напишу, что жду в делах успеха,
живу пока в достатке и в чести,
что собираюсь к осени приехать,
из города невесту привезти.

Но промолчу о голоде и ранах,
о снежных ветрах, выстудивших грудь,

что далеко у моря-океана
от боли мне спокойно не заснуть.

И не скажу ни слова о метели,
что билась в окна зиму напролет,
что смерть сидела нянькой у постели
и вместо чаю подавала лед.

Что ни добра, ни хлеба мне не надо,
не надо зерен, павших без следа,
и в отчий дом с тесовою оградой,
конечно, не вернусь я никогда.

И с мертвыми лежащий долго рядом,
без солнышка, без ласки, без цветов,
в весенний день,
                        дыханием и взглядом
почуяв силы, с радостью готов —
в грозовый мир, где голод плечи сушит,
костер войны пылает до небес,
на землю птицы падают от стужи
и злых людей живой дремучий лес.

Где я забыл о сказках и молитвах,
где выжег детский норов свой и страх,
где ждут меня друзья в пирах и в битвах
и женщины тоскуют в городах.

И боевым предчувствием удачи,
прекрасное, крылатое на взлет,
в руках моих не знавшее отдачи
любимое оружие зовет.

Огнем каленный — скоро не устану,
мороженый — с дороги не сверну,
но если от друзей живым отстану —
всю жизнь свою и душу прокляну.
И я не знаю, где сложу я руки,
увижу ли когда глаза твои...
Благослови
                на радости и муки,
на черный труд и смертные бои.

АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

ДУМА МАТЕРИ

К непогоде ломит спину.
У соседки разузнать:
Может быть, пасьянс раскинуть
Или просто погадать:
На бубнового валета,
На далекого сынка.
Что-то снова писем нету,
Почитай, уж три денька.
Как-то он? Поди, несладко?
Недоест и недоспит.
Ведь землянка да палатка
От невзгод не охранит.
И окоп не дом, не отчий,
Пусть не больно новый дом.
Смерть, поди, там зубы точит,
Ходит, бродит за бугром.
Только ведь сынок нэхрупкий,
Рос, как на опаре кис.
На стене его зарубки
Под карниз подобрались.
Он не даст себя в обиду,
С честью носит свой погон.
Это только разве с виду
Не обидит мухи он...
Так сама с собой украдкой
Мать-старушка говорит,
Бледно-желтая лампадка
Под иконами горит.
За окном дожди косые.
Низко клонится лоза,
Над большой землей — Россией,
Грохоча, идет гроза.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Достойно выполнив свой долг,
Отцов не посрамив,
Идет домой наш храбрый полк
Среди зеленых нив.

Старушка вышла на порог,
Как лунь бела, седа.
— Скажите, то не Псковский полк? —
Сержант ответил: — Да!

Глядела мать в глаза бойцов, —
И смолкла наша песнь.
Раздался голос из рядов:
— Я здесь, мамаша, здесь!

РОДНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Любопытный, как все наши дети,
Удивленный мальчишка спросил:
— Много братских могил
есть на свете,
Почему нет сестринских могил?

Взрослых снов
мне нисколько не надо,
Но все кажется мне до утра —
Под прямым попаданьем снаряда
Медицинская гибнет сестра...

В чем же цель
наших общих стараний?
Продолжая общественный путь,
Расходясь после общих собраний,
На отдельное горе взглянуть.

Вот рязанской вечерней порою
В синем скверике, в центре села,
К бюсту Ванечки — дважды Героя —
Изможденная мать подошла:

— Я у мира всего на виду,
От него никогда не уйду,
В гипсе, в мраморе или в граните
Вместе с сыном меня сохраните! —

И заснула, бедняга, тотчас —
Много маялась и извелась...

Пусть в раскатах
грядущих событий
От науки отстал динамит, —
Будьте тихи, друзья, не шумите —
Рядом русская женщина спит.

ДМИТРИЙ БЛЫНСКИЙ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Смотрит в окно одиноко седая ракита,
Шепчется с кленом осина в саду у плетня.
Часто мне кажется: имя мое позабыто, —
Маленькой мамою все называют меня.

Спи, мой сыночек, пусть сон тебе светлый приснится,
Спи, я тебя покачаю и тихую песню спою.
Некому, кроме меня, над тобою склониться,
Некому к сердцу прижать тебя... баю... баю.

Вырастешь, девушку встретишь. Обычное имя
Станешь, волнуясь, шептать-называть не дыша,
Будет и сын у тебя с голубыми глазами твоими,
Только, сыночек, прошу — не бросай малыша.

Ах ты, ракита, давно ли была ты зеленой,
Нынче седая-седая... Кого ей ругать и винить?..
Спи, бессловесный, еще ни в кого не влюбленный,
Спи, не успевший еще никому изменить.

ТЫ ПОМНИШЬ, МАТЬ...

Матери моей, Прасковье Ивановне посвящаю

Ты помнишь, мать,
Была такая стужа,
Такая вьюга на дворе была,
Что нам казалось —
вдвое стали уже
Проулки поседевшего села.

А их вели —
Их трое, пленных, было,
Полураздетых и полубосых.
Ты помнишь, мать,
как деду говорила
О том, что коммунист один из них.

Сама себе шептала ты: «Надейся,
Господь пошлет,
Останутся в живых,
И только полицейские партейца
Не распознали бы в одном из них».

Ты помнишь,
мать,
Среди людского гула
Их —
трех солдат —
и немцев с двух сторон.
— Кто коммунист из вас?
И ты вздохнула:
«Ах, только бы себя не выдал он».

Паук на флаге корчился над школой,
И ветер жег,
тесней сжимая нас.
— Я коммунист! —
И вышел полуголый,
А был годами он, как я сейчас.

Ты отвернулась:
«Что же будет, что же?»
Закрыла мне глаза рука твоя.
Ты помнишь, мать,
Второй сказал:
— Я тоже! —
И третий следом за вторым:
— И я!

Они встают передо мной живыми
Под вьюгою, за школой, у ворот...
Послушай, мать,
Когда б и я был с ними,
Клянусь, я тоже вышел бы вперед.

АЛЕКСАНДР ЛЮКИН

МАТЬ И ДОЧЬ

— У матери моей —
Какое чудо! —
За два часа
Уже прошла простуда.

Дров наколола,
Вот и руки в тесте.
Работает,
А захворали вместе.

...Не знала дочь,
Но крепко знала мать:
Чтоб хлеб испечь,
Кому-то надо встать.

СОНЕТ О МАТЕРИ

Состарясь, из далекого села,
Где глушь, где волки ходят под окошко,
Забросив деревенские дела
И над печуркою всплакнув немножко,
Уж год, как мать приехала ко мне.

Она все чистила, варила мне, стирала.
Хотел я сделать так, чтоб отдыхала,
Но отдыха опять у мамы нет.

Я запретил ей гнуться над полами,
Сказал: ты мыть и чистить не должна,
Сказал, что это сделает жена.

Но только руки свесились у мамы.
Моя забота боль разбередила.
Заплакала: — Неуж не угодила?

РОДИТЕЛИ

Силы на покосе
Измотав вконец,
На крутом откосе
Отдыхал отец.

На его рубашке
Застывала соль,
Желтые ромашки
Врачевали боль.

И вставал здоровым
Мой родной мужик,
И звенело снова:
«Вжик, вжик, вжик».

А когда жестоко
Вновь ему устать,
С квасом издалека
Приходила мать.

Хлеба подавала,
Луку для косца,
Кофтой обтирала
Шею у отца.

И вдвоем косили:
«Вжик, вжик, вжик».
Так они и жили —
Баба да мужик.

И в своих забавах
В предвечерний час
На медовых травах
Зачинали нас.

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

* * *

Ей побелила голову зима.
Приехал сын. Ему все было внове.
Он вместо «мама» говорил ей «ма»,
Любовь сияла в этом полуслове.

И наполнялся песней милый дом,
И все-то жарко западало в душу,
И наклонялась ива над прудом,
Чтоб золотое слово лучше слушать.

И загорелась радуга-дуга,
Цветы еще не спали
          в травах росных,
А слово шло на вольные луга
И было, как всегда; победоносно.

Вдоль улицы крестьянские дома
Стоят,
          боясь гармонию нарушить...
— А ты бы лучше отдохнула, ма,
Тебе моих забав не переслушать.

МАМА

Дом всех родней. Стучит береза в раму.
Скрипит от ветра старое крыльцо.
Издалека идешь. Сейчас ты крикнешь:
                                        «Мама!»
И расцелуешь милое лицо.

Ты дома, дома. Ты страдал и выжил,
И трудный путь — уже не трудный путь,
И все в цвету, и сердце к сердцу...
                                   Ближе
Нельзя —
          и так уж не вздохнуть!

И сразу сказка в шапке-невидимке
За стол садится, и кричат лады,
И все луга, и все березы в дымке,
И хоть зима, но все горят сады!

«Ну, как ты, мама, мама?»
                              Пусть продлится
Мгновенье это.... Отойдут дела.
Пусть сад цветет, и в нем поет синица,
Ну, та, что век свой за морем жила!

Ну, та, что пиво пенное варила,
Ну, та, что сватьей-кумушкой слыла,
Ну, та, что песней жизнь свою хвалила,
Хотя не пышно, бедная, жила!

И вот война. И путь войны упрямый.
Но по нему пройдем мы до конца.
И в путь-дорогу провожает мама —
Родимая и русская — бойца.

Вчера мальчишкой был он, нынче воин.
И вот с великой силою любви
Он с лавки поднимается, спокоен,
И говорит:
«Ну, мать, благослови!»

Где б ни было все это:
на Алтае,
На Мурмане суровом, на Двине,
Ее душа, такая золотая,
Сейчас до дна вся отдана войне!

И, как всегда, стучит береза в раму,
И ветер норовит ее сломать,
И, как всегда, сын произносит:
«Мама!»
И, как всегда, слова находит мать:

«Иди и мсти! Спроси с фашистов кровью,
И если сам вдруг рухнешь на бегу,
То, как всегда, я встану в изголовье,
Хотя б оно и было на снегу!

И кровь отдам горячую, живую,
Склонюсь к тебе во сне и наяву,
Зажму рукою рану боевую
И прежде всех героем назову!»

И все пока... Стучит береза в раму,
И ветер норовит ее сломать,
И вьется путь, далекий и упрямый,
На нем сейчас с бойцом простилась мать...

АЛЕКСАНДР ЯШИН

СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

Евдокии Григорьевне, моей матери

Нет, не вернется мой брат с войны.
Что нашей матери в горе поможет?
Может, слова совсем не нужны,
Просто поплакать лучше, быть может?

Дружен, широк был семейный стол,
Правильной жизнью жили ребята.
Мама! Ты знаешь, за что он шел
И почему стал храбрым солдатом?

Матерью Родину звал свою,
Имя твое в огне окрыляло.
А пощади мы себя в бою,
Что бы с Отечеством нашим стало!

Легкого счастья на свете нет,
Все окупается потом, кровью.
Пусть в твоем сердце не гаснет свет,
Не оскудеет душа любовью.

Имя тебе — солдатская мать.
Слезы и боль с тобой разделяя,
Знаю, как трудно сына не ждать,
Верю и в силу твою, родная.

Перед бедой не согнем спины.
Вспять не пойдут широкие реки.
Русская ты, и твои сыны
Крепостью Родины будут вовеки.

С МАТЕРЬЮ НАЕДИНЕ

Для всех ты давно уже — бабушка, бабка.
А для меня всё — мама.
Для всех я если не дед, то дядя,
А для тебя все — парнишка.

Что знаешь ты о моей жизни?
Жалеешь меня
Иль гордишься мною?
Верно, думаешь, что я вышел в люди,
Так почему плачешь,
Когда я домой возвращаюсь?

Ничего из меня, мама, не вышло,
И мудрость с годами не прибывает,

Душа по-прежнему не на месте,
И в ласке твоей, как в детстве, нуждаюсь.

Почему ты, мама, меня сильнее?
Иссохшая, старая, а не больная.
Пахать бы мне землю, как ты пахала,
Зимой ладить дроги, а летом сани

И не искать бы иного счастья,
Бояться суетности, как заразы!
Ведь нет все равно ничего на свете
Милей твоего немудрого крова.

Не будет тебя — куда я поеду?
Чужие люди займут наш угол.
Но почему ты, мама, боишься,
Когда прихожу я к тебе за советом?

МАТЬ

Нашумела, накричала,
Настегала чем попало:
— Все постыло! Сил не стало!
Нет от вас житья! —
Села в угол, зарыдала —
И просить прощенья стала.
Просто очень ты устала,
Бедная моя!

Не волнуйся, успокойся,
Вот тебе вода —
Умойся,
Отдохни,
За нас не бойся —
Подрастет семья.
Ну, прибила... Что ж такого?
Не со зла ведь,
Не чужого.
И зачем же слезы снова,
Добрая моя?

МОЛИТВА МАТЕРИ

В комнате матери нет иконы,
Она не бьет никому челом,
Ни ранним утром,
Ни перед сном
Не отвешивает поклоны.
Но светлую эту молитву
Мы видим в ее глазах,
Она звучит в ее голосе
Денно и нощно.

Заступница, дай мне большую душу,
Сердце доброе,
Око недремлющее,
Голос мягкий, отходчивый, ласковый,
Руки крепкие, незлобивые, —
Очень трудно матерью быть!

Не власти прошу,
Не за деньги стою.

Вдохни, сердобольная, в грудь мою
Столько любви и силы,
Чтоб до могилы
На всю семью —
На мужа, на сына, на дочерь мою, —
На каждый характер хватило,
На все их сомнения
И смятения,
На спотыкания и причуды,
На завихрения
И увлечения,
На заблуждения
И остуды.
Только любовь раскрывает сердца,
Лишь перед ней отступает горе.
Мне нужно очень много любви.
Ты — мать,
Ты меня понимаешь...

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Вот он и кончился,
покой!
Взрывая снег, завыла вьюга.
Завыли волки за рекой
Во мраке луга.

Сижу среди своих стихов,
Бумаг и хлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы.

Там поле, небо и стога,
Хочу туда, —
о, километры!

Меня ведь свалят с ног снега,
Сведут с ума ночные ветры!

Но я смогу,
но я смогу
По доброй воле
Пробить дорогу сквозь пургу
В зверином поле!..

Кто там стучит?
Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь —
Ночные ветры?

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОК

Домик моих родителей
Часто лишал я сна.
— Где он опять, не видели?
Мать без того больна. —
В зарослях сада нашего
Прятался я как мог.
Там я тайком выращивал
Аленький свой цветок.

Этот цветочек маленький
Как я любил и прятал!
Нежил его — вот маменька
Будет подарку рада!
Кстати его, не кстати ли,
Вырастить все же смог...
Нес я за гробом матери
Аленький свой цветок.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.

Мать придет и уснет без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.

Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня.

Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеется во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...

Не грусти! На знобящем причале
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.

Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу.

Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,
Чей-то злой, настигающий топот
Все мне слышится словно в бреду.

Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.

Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
— Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...

ДМИТРИЙ КОВАЛЕВ

А ДУМАЛ Я

Матери моей, Екатерине Ивановне

А думал я,
Что как увижу мать,
Так упаду к ногам ее.
Но вот,
Где жжет роса,
В ботве стою опять.
Вязанку хвороста межой она несет,
Такая старая,
Невзрачная на вид,
Меня еще не замечая,
Вслух
Сама с собой о чем-то говорит.
Окликнуть?
Нет,
Так испугаю вдруг.
...Но вот сама заметила.
Уже,
Забыв и ношу бросить на меже,
Не видя ничего перед собой,
Летит ко мне:
— Ах, боже, гость какой!
А я,
Как сердце чуяло,
В лесу
Еще с утра спешила все домой...
— Давай, мамуся, хворост понесу. —
И мать заплакала, шепча:
— Сыночек мой. —
С охапкой невесомою в руках,
Близ почерневших пятнами бобов,
Расспрашиваю я
О пустяках:
— Есть ли орехи?
Много ли грибов? —
А думал —
Там,
В пристрелянных снегах,
Что, если жив останусь и приду,
Слез не стыдясь,
При людях,
На виду
На улице пред нею упаду.

Я ПРИВЫК...

Я привык,
что никто никогда
не встречает меня.
Не встречает
и встретить не чает.
Я сошел в середине
тревожного дня.
У канавы сосна
головой осторожно качает.
Под мостами,
свинцовый весь,
тронулся Сож.
И до странного мир этот
сам на себя непохож.
И тревожнее прежнего
из лесу пахнет весной.
По-особому тихо
в тишайшей светелке лесной...
Я привык,
что никто не встречает меня.
Отчего ж одиночество
кажется странным?
Не желаю его

ни вокзалам,
ни людям,
ни странам,
ни реке,
что темнеет, насквозь леденя...
Мама...
Только и есть —
как войду к ней теперь я?..
Там, за дверью,
всегда было тихо.
Но это не та тишина.
Там, быть может, соседки молчат,
ожидая за дверью.
И уже приодетой и прибранной
встретит она?..
Все помыв,
до соринки кругом за собой
подобрав, —
будто знала,
готовилась будто давно...
Всех простившая,
всем лишь желая добра.
Что-то зная такое,
что при всех наших знаньях
нам знать не дано.

ПАМЯТЬ О МАТЕРИ

1

Поют соловушки.
Вода играет,
Высокая,
Ознобно-заревая.
Сады цветут...
А мама — умирает,
Об этом смутно лишь подозревая.

Скрывает
И меня пытает взглядом,
Насторожась,
Просительно, сурово,
Уж не таю ли что...
И с нами рядом
Всех уверяет,
Что совсем здорова.

Но кашель —
Я тревожно слышу в полночь —
Подушкой глушит...
Слышу на рассвете:

Как маленькая,
Мать свою зовет на помощь,
Хоть матери давно уж нет на свете.

И в замиранье соловьино-звонком —
Больнее боль, родимая роднее...
И сам, немолодой уже, ребенком
Я чувствую себя пред нею.

2

Что ты могла подумать, одинока,
Хоть не одна была в предсмертный час.
Что был я не с тобою — так жестоко.
И не закрыл я материнских глаз.

Лицо твое, знакомое такое,
Я не узнал,
Хоть не было родней:
В холодной отчужденности покоя,
К печали безразличное моей.

Таким его не видел, приезжая:
При встрече солнышко из глаз лилось.
И разве ж ты прощалась, как чужая:
Спокойно, без тревоги и без слез?..

Напоминает совесть мне упрямо,
И не забыть мне до конца, скорбя,
Что не простился я с тобою, мама,
Не попросил прощенья у тебя...

Живая, все простила б — и вины я
Не знал бы,
И мученья моего...
Но мертвые,
Особенно родные,
Живущим не прощают ничего.

3

На луг ли выйду, на опушку
Или в поля за огород,
Увижу издали старушку —
Все кажется:
Моя идет.
Задумалась не о молебнах.
И со знакомою сумой.
Насобирала трав целебных:
Лечить меня спешит домой.

И знаю, что уже не встречу
Ее нигде и никогда
С ее такой знакомой речью,
Что все слышней через года.

И понимаю, что нелепо...
Но в этот миг я узнаю
Ее над светлой тучей хлеба,
Плывущей на душу мою...

АЛЕКСЕЙ ЕРАНЦЕВ

МАТЬ

Под капустным нашла листом,
Подняла с травяного настила,
Пронесла в натопленный дом —
Перекрестом рук окрестила.
Лоб ресницами обмела,
В два платка меня спеленала:
Завернула в два белых крыла,
А углы узлом завязала.
Затянуть узелок смогла,
Да распутать сил не хватило:
Роща корни над ней сплела —
Простежили крышу стропила.
Руки выпростал — дед помог.
Белый свет вразумил — уважил.
Завязался в душе узелок —
Не сумею — никто не развяжет.

* * *

Вставало утро. Было сыро, тихо.
Не суетилась ни одна душа.
Отбитая от стаи журавлиха
Успела дотянуть до камыша.
Грачи скрипели в роще тополиной,
И оседали старые стога,
И облако проплыло над долиной,
И в той долине умерли снега.
Среди полей дотаяли туманы,
Остыли звезды в синей вышине,
И в глубине земли проснулась мама,
Чтоб долго-долго думать обо мне.

АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ

АННА ПЕТРОВНА

В этот праздничный полдень
Смоленские пахари пели на бревнах
Под гармонику венскую
Песни о русской своей стороне.
В этот праздничный полдень
Простая, счастливая Анна Петровна
Не сказала соседкам о горе,
Которое видела ночью во сне;
Не сказала — и рано,
Когда еще спали свои и соседи,
Тихо печь затопила
И, к солнцу закончив дела,
В первый раз за полвека
Заботливой жизни на свете
Нарядилась в сатин дорогой —
На сатине кувшинка цвела.

А потом,
В сундуке выбирая рубаху для сына
И увидев холщовые детские платья на дне,
Сразу вспомнила сон...
Не щадя дорогого сатина,
Слезы снова
Лицо угловатое жгли, как во сне.
Так случилось в ночи:
Вдруг явились к ней дети, которых
Не взрастила Петровна, —
Такие уж были года;
Вдруг явились и, вновь пропадая,
Из мрака донесшимся хором
Дети пели о жизни,
О том, что их с нею
Навек разлучила нужда...

Оглянулась —
И в зеркале громким, обидным упреком
Загорелись кувшинки,
Живые и легкие, как за рекой.
— Что же, Анна Петровна,
Дождалась веселого срока.
Вот и нам бы с тобой
Подготавливать полдень хороший такой!

И от слез,
От тоски материнской,
От горя
Пошатнулась,
Нащупала пуговиц светлых строку.

«Нет, не надо мне платья!..»
О чем-то, как водится, споря,
Под окном в это время
Сын протягивал руку отцу-старику.

Утирая лицо,
Вынимая рубаху сыновью,
Чесучовую, тонкую, в елку расшитую
на груди,
Осторожная Анна Петровна
Встречала семью неизменной любовью.
«Вот, бессонная, и нарядилась,
А ну-ка, отец, погляди!»

Не желая печали своей
Ни родным, ни друзьям, ни далеким,
Прихорашиваясь,
Забывая незабвенные горестные голоса,
Выставляла на стол,
Нарушая обычаи дедовские и сроки,
Яства жирные, от которых на зеркале
Золотая выступила роса.

Этим временем русая незнакомая появилась
Девушка,
Сыну, кивая, заулыбалась в окне.
Мать взглянула, и сердце ее забилось:
Что увидит она,
Эта девушка,
Через полвека во сне?

НА ЛЕНИНГРАДСКОЙ УЛИЦЕ

Не в первый раз идти нам вдоль пустынной,
Вдоль отсверкавшей окнами стены.
Но перед неожиданной картиной
Остановились мы, поражены.

К стене в печали руки простирала,
Как бы ослепнув, женщина. Она,
Беде не веря, сына окликала.
Еще кирпичной пыли пелена
Казалась теплой
И на кровь похожей.
«Василий,
Вася,
Васенька,
Сынок!
Ты спал, родной,
Откликнись мне. О боже!»
...Из черных дыр оконных шел дымок.

Рыданьем этим, горем материнским,
Холодный день, обжег ты души нам.
А вечером
В полку артиллерийском
Мы обо всем поведали друзьям.
Кто под луной не вспомнил дымноликой
Родную мать?
Чье сердце нам верней?
Гнев наших залпов,
Равен будь великой
Любви многострадальных матерей!

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

ПЕРВОЕ ПИСЬМО НА КАМУ

Я знаю — далеко на Каме
тревожится, тоскует мать.
Что написать далекой маме?
Как успокоить? Как солгать?

Она в открытках каждой строчкой,
страшась и всей душой любя,
все время молит: «Дочка, дочка,
прошу, побереги себя...»

О, я любой ценою рада
тревогу матери унять.
Я напишу ей только правду.
Пусть не боится за меня.

«Я берегу себя, родная,
не бойся, очень берегу:
я город наш обороняю
со всеми вместе, как могу.
Я берегу себя от плена,
позорнейшего на земле.
Мне кровь твоя, чернея в венах,
диктует — гибель, но не плен!
Не бойся, мама, я не струшу,
не отступлю, не побегу.
Взращенную тобою душу
непобежденной сберегу.

Не бойся, нет во мне смятенья,
еще надолго хватит сил:
победоносному терпенью
недаром Ленин нас учил.
Не бойся, мама, — я с друзьями,
а ты люби моих друзей...»

...Так я пишу далекой маме.
Я написала правду ей.

Я не пишу — и так вернее, —
что старый дом разрушен наш,
что ранен брат, что я старею,
что мало хлеба, мало сна.

И главная, быть может, правда
в том, что не все узнает мать.
Ведь мы залечим эти раны.
Мы все вернем себе опять.
И сон —
спокойный, долгий, теплый,
и песни с самого утра,
и будет в доме, в ясных стеклах
заря вечерняя играть...

И я кричу знакомым людям:
— Пишите правду матерям!
Пишите им о том,
что будет.
Не жалуйтесь, что трудно нам...

ИВАН БАУКОВ

МАТЬ

Заклубились тучи дымом,
Стонет ветер по ночам.
Скоро год, как я родимой
На письмо не отвечал.

Все дела, дела большие:
Строек высятся леса,
Да плотины, да машины.
Где тут матери писать?

Мать отыщет оправданье,
Мать не станет упрекать.
До последнего дыханья
Будет сына защищать.

Сын в получку мельком вспомнит
Шаль худую на плечах...
Но и эта мысль потонет
В повседневных мелочах.

В год одну-две телеграммы
Отошлет, коль по пути.
«С праздником! Целуем, мама!
Как-нибудь приедем. Жди!»

Жди!
Когда-нибудь приедем...
Мать разгладит лист рукой.
Все ж спеша идет к соседям,
Внучкой хвалится, снохой.

Ну а сын?
Он занят вечно:
Там, в Москве, дела кипят.
Если б можно, он, конечно,
Навестил родную мать.

Мать ни словом ни единым
Боль не выдаст из груди.
Мать соседям хвалит сына,
И соседи верят: «Жди!»

Только ночью плохо спится.
(Старость — горькая пора!)
Стынет, стынет на ресницах
Блеск обиды до утра.

Вспомнит радости, невзгоды...
«Был смышленым...
Нежен был...
Неужель за эти годы
Обо мне не загрустил?
Чем могла его обидеть?
Провиниться в чем могла?»
Сын не слышит,
Сын не видит:
Все дела,
дела,
дела.

МИХАИЛ ЛУКОНИН

МАМА

Я маму не целовал давно...
Маленьким был —
целовал,
душил,
С улицы жаловаться спешил,
Потом торопливо мужать решил.
Думал: «Мужество! Вот оно!»
Думал: «Мужество — это вот:
Прийти домой
и сказать:
«Пока!
Я на войну!..»
Улыбнуться слегка
И повернуться спиной к слезам,
К зовам маминым, —
на вокзал!»

Женщина вырастила меня.
Морщины уже на лицо легли.
Губы сомкнуты. Отцвели.
Но много в глазах моего огня.
Вот фотокарточка.

Изо дня
в день
Я думаю о тебе,
Моей колыбели,
моей судьбе —
Женщине, вырастившей меня.
Я маму не целовал давно...
Только бы мне возвратиться лишь!..
Мама,
Если меня простишь
Сердцем маминым,
решено:
Я расцелую тебя одну,
Сердце послушаю,
обниму,
Слезы вытру,
в лицо взгляну...
Перед тем как уйти на войну.

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

* * *

Матери, Екатерине Яковлевне

Пароход покричал, покричал,
Бросил чалку на мокрый причал.
Я на землю по трапу ступил,
За которую в битву ходил,
Спал в снегу, у лесного костра,
Шел навстречу горячим ветрам,
В танке тесном два раза горел, —
Несмотря ни на что, уцелел.
И в разгар вологодской весны
Возвратился сегодня с войны.
Вот он, старый, с разбитым окном,
С тополями родительский дом...

Здравствуй, столько прождавшая мать!
Больше некого нам ожидать.
Пусть ни слез, ни тоски нам теперь,
Пусть разлука уходит за дверь.
Не ушел еще тот пароход,
Он разлуку с собой заберет.

* * *

Матери, Екатерине Яковлевне

Погадай мне в этот вечер,
Нагадай червонный дом,
С незнакомой дамой встречу,
В брюках, в ватнике, с ремнем.
Может, с картами согласно
В чаще рыжей, в тьме ночной
Огонек забрезжит ясный,
Словно в сказке, предо мной.

И скажу я: «Стань, избушка,
Передом... Наедине
Не тебя ли мать-старушка
Нагадала в карты мне?»
Хорошо в лесной землянке
Сапоги у печки снять,
Стукнуть, так сказать, по банке,
Завалиться на ночь спать.

Но вокруг лишь тьма ночная,
Дождь стекает по броне,
Да «Калугу» вызывает
Мой стрелок-радист во сне..
«Ни огня, ни темной хаты».
В карты старенькие, знать,
Нам, неверящим солдатам,
Мать не сможет нагадать...

* * *

Когда уйду —
совсем согнется мать,
Но говорить и слушать
так же будет,
Хотя и трудно старой понимать,
Что обо мне рассказывают люди.

Из рук уронит скользкую иглу,
И на щеках заволокнятся пятна,
Ведь тот,
что не придет уже обратно,
Играл у ног когда-то на полу.

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

СЫНОВЬЯ

Синеет гладь речная,
И паруса бегут,
Есть домик на Дунае,
На самом берегу.

В том домике старушка
Теперь совсем одна.
И шум Дуная слушать
Ей грустно у окна.

Жила вдовой. Ходила
Стирала у людей.
Одна троих растила
Чернявых сыновей.

Но где же, где же дети?
Глядит: они — рядком —
В дешевеньком багете
Все в рамках под стеклом.

А над Дунаем синим
Вдруг станет день темней:
Два сокола, два сына,
Уж не вернутся к ней.

Один под красным стягом
За Венгрию погиб,
Когда шли твердым шагом
Рабочие полки...

А о другом есть вести —
Погиб в краю чужом...
Нет, не в чужом! Там песни
Сложил народ о нем:

Про то, как по сугробам,
В мороз, в буран седой
Шел с русскими бок о бок
Венгерец молодой;

Про то, как за Тагилом
Между отлогих гор
Два кедра над могилой
Роняют свой убор.

Тропинка. Глушь лесная.
Столетние кряжи.
Как старая узнает,
Где сын второй лежит?

Росли гурьбою дети,
Играли на песке,
Но вот ушел и третий,
И поделиться — с кем?

И волны не ответят,
И берега молчат,
Лишь почтальон да ветер
В окошко постучат.

А за морями где-то,
Где воздух накален,
Под городом Толедо
Дерется батальон.

Ревут «капрони», танки
Ползут сквозь жидкий дым.
И командир на фланге
От пыли стал седым.

Сады — и те поблекли.
Дорогами пыля,
Качается в бинокле
Испанская земля.

Смерть по окопам шарит;
Окопы как рубцы.
С обоих полушарий
Сюда сошлись бойцы;

Идут под свист и ветер,
Под грохот батарей,
Чтоб не было на свете
Печальных матерей.

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

МАТЬ

Дым костра. Сырых шинелей груда.
Неуютный наш солдатский быт.
Женщина, пришедшая «оттуда»,
По убитой дочери скорбит.

Голос — шороха лесного глуше —
Шелестит, как жухлая трава.
Болью обжигают наши души
Тихие и скорбные слова.

Будто вдруг на нас упали горы.
Будто вымер шумный наш привал.
Только кто-то скрежетом затвора
Тишину ночную разорвал.

ПЕСНЯ О СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

За пустой околицей,
За Донец-рекой
Вздрогнет и расколется
Полевой покой.

Неоглядно поле то
За седой межой,
Жаркой кровью полито
Нашей и чужой.

Далеко от поля-то
До Буран-села.
А над кровью пролитой
Черный дым и мгла.

В дали затуманенной
Как узнать о том,
Что лежу я, раненный,
В поле под кустом?

Что меня жестокая
Тянет боль во тьму?..
Милая! Далекая!
Жутко одному.

Под бинтом-тряпицею
Голова в огне.
Обернись ты птицею,
Прилети ко мне.

Наклонись, прилежная,
Веки мне смежи,
Спой мне песню прежнюю,
Сказку расскажи:

Про цветочек аленький,
Про разрыв-траву.
Будто вновь я, маленький,
На земле живу...

То ли шелест колоса,
Трепет ветерка,
То ли гладит волосы
Теплая рука.

И не чую жара я.
И не ранен я.
Седенькая, старая,
Светлая моя!

НА РОДИНЕ

В лопухах и крапиве дворик.
За крыльцом трещит стрекоза.
Терпкий корень полыни горек,
Как невыплаканная слеза.

Тополя и березы те же,
Та же пыль на кресте дорог,
В повечерье, как гость заезжий,
Я ступил на родной порог.

В этот тихий канун субботы,
Так знакомы и так близки,
Руки, жесткие от работы,
Не коснутся моей щеки.

Робкой радостью и тревогой
Не затеплится блеклый взгляд.
Над последней твоей дорогой
Отпылал последний закат.

Жизнью ласковой не пригрета,
Ты не верила, не ждала.
И у самой грани рассвета
Приняла тебя злая мгла.

Все, о чем ты мечтать не смела,
Все, что грезилось нам во мгле,
Вешним паводком, без предела,
Разлилось по родной земле.

Встань, изведавшая с избытком
Доли мучениц-матерей,
Выйди в сени, открой калитку,
Тихим словом сердце согрей.

...Не порадует небо синью,
Если дым залепил глаза.
Песня встала в горле полынью,
Как невыплаканная слеза.

ВАСИЛИЙ КАЗИН

НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Сквозь гул Москвы, кипенье городское
К тебе, чей век нуждой был так тяжел,
Я в заповедник вечного покоя —
На Пятницкое кладбище пришел.

Глядит неброско надписи короткость.
Как бы в твоем характере простом
Взяла могила эту скромность, кротость,
Задумавшись, притихнув под крестом.

Кладу я розы пышного наряда.
И словно слышу, мама, голос твой:
— Ну что так тратишься, сынок? Я рада
Была бы и ромашке полевой.

Но я молчу. Когда бы мог, родная,
И сердце положил бы сверху роз.
Твоих забот все слезы вспоминая,
Сам удержаться не могу от слез.

Гнетет и горе, и недоуменье
Гвоздем засело в существо мое:
Стою — твое живое продолженье,
Начало потерявшее свое.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

ЖИЛИ-БЫЛИ

Вся Россия голодала,
Чуть жила на холоду,
Граммофоны, одеяла,
Стулья, шапки, что попало
На пшено и соль меняла
В девятнадцатом году.

Брата старшего убили,
И отец уже ослеп,
Все имущество спустили,
Жили как в пустой могиле,
Жили-были, воду пили
И пекли крапивный хлеб.

Мать согнулась, постарела,
Поседела в сорок лет,
И на худенькое тело
Рвань по-нищенски надела,
Ляжет спать — я то и дело:
Дышит мама или нет?

Гости что-то стали редки
В девятнадцатом году.
Сердобольные соседки
Тоже, будто птицы в клетке
На своей засохшей ветке,
Жили у себя в аду.

Но картошки гниловатой
Нам соседка принесла
И сказала:
— Как богато
Жили нищие когда-то.
Бог Россию виноватой
Счел за Гришкины дела.

Вечер был. Сказала:
— Ешьте! —
Подала лепешки мать.
Муза в розовой одежде,
Не являвшаяся прежде,
Вдруг предстала мне в надежде
Не давать ночами спать.

Первое стихотворенье
Сочинял я как в бреду:
«Из картошки в воскресенье
Мама испекла печенье».
Так познал я вдохновенье
В девятнадцатом году.

* * *

Я в детстве заболел
От голода и страха. Корку с губ
Сдеру — и губы облизну; запомнил
Прохладный и солоноватый вкус.
А все иду, а все иду, иду,
Сижу на лестнице в парадном, греюсь,
Иду себе в бреду, как под дуду
За крысоловом в реку, сяду — греюсь
На лестнице; и так знобит и эдак.
А мать стоит, рукою манит, будто
Невдалеке, а подойти нельзя:
Чуть подойду — стоит в семи шагах,
Рукою манит; подойду — стоит
В семи шагах, рукою манит.
Жарко
Мне стало, расстегнул я ворот, лег, —
Тут затрубили трубы, свет по векам
Ударил, кони поскакали, мать
Над мостовой летит, рукою манит —
И улетела...
И теперь мне снится
Под яблонями белая больница,
И белая под горлом простыня,
И белый доктор смотрит на меня,
И белая в ногах стоит сестрица
И крыльями поводит.
И остались.
А мать пришла, рукою поманила —
И улетела...

МИХАИЛ ЛЬВОВ

СТИХИ О МАТЕРИ

1

Это страшно. Ты в землю ушла навсегда.
Ни дожди, ни рассветы тебя не касаются больше.
Далеко от столицы село Насибаш.
Далеко от могилы твоей. Сознавать это больно.
Навсегда, навсегда, на века, на века
Безвозвратно уходят в планету любимые люди...
Снова ночь на глаза мои тьму навела
И закрыла весь мир, и опять одиночество будит.
И ничем я тебе не сумею помочь,
Если даже в планету уйду за тобой добровольно.
Только тьма под землей. Только ночь. Только ночь.
Только вечная ночь. Сознавать это жутко и больно.

Буду думать, что ты возвратилась сюда,
Возвратилась сюда, обитаешь ты где-то в природе.
Смотрит с неба твоими глазами звезда,
И с тобою сравнимые люди проходят
в народе.
Буду думать, что ты обитаешь в цветах,
Что дано тебе ветром порой до меня доноситься.
Буду к людям нежней.
Ты средь них.
Ты не прах.
И ни с чем мне иным невозможно,
нельзя примириться.

2

Как нужна человеку родная семья,
Дом с теплом бескорыстным и светом.
Если б только жива была мама моя,
Я бы стал гениальным поэтом.

Жизнь! Ты много мне силы и счастья дала,
Только мама моя за оградою.
Не успел я родиться — она умерла,
Ты меня беспощадно ограбила.

И ни разу я в жизни к груди не прижал
Эту добрую-добрую голову.
И ни разу я в жизни домой не бежал
К ней прижать свою голову гордую.

И всю жизнь не хватало мне доброй семьи,
Боль сиротства за горло хватала...
Вам, и други мои, вам, и строки мои,
Тоже мамы моей не хватало.

ЮЛИЯ ДРУНИНА

МАМАША

Вас частенько уже величают «мамашей» —
Пять детей, сто забот...
Никому невдомек,
Что в душе этой будничной женщины пляшет
Комсомольский святой огонек —
Тот, что яростным пламенем став
в сорок первом,
Осветил ей дорогу в военкомат.

...Хлеб, картошка и лука зеленые перья —
С тяжеленной авоськой плетется солдат.
Не по моде пальто,
Полнота,
Седина...

Но Девятого мая
Надевает она ордена
И медаль «За отвагу»,
Что дороже ей прочих наград.

Козырни ветерану,
Новобранец-солдат!

МАРК МАКСИМОВ

МАТЬ

Жен вспоминали
на привале,
друзей — в бою.
И только мать
не то и вправду забывали,
не то стеснялись вспоминать.

Но было,
что пред смертью самой
видавший не один поход
седой рубака крикнет:
— Мама! —
...И под копыта упадет.

МАТЬ

(Л. Космодемьянская в Париже)

Названия стран над квадратами кресел.
Кордон полицейских у каждых дверей.
Закончили речи кузнец и профессор.
Встает
делегатка всех сразу профессий —
посланница от матерей!

Все выстрадав, тысячи бед переспорив,
чтоб мир от страданий и бед отстоять,
прямая встает, не согбенная горем,
простая,
святая,
советская мать!

Будить бы ей лаской
детей на рассвете,
но битва за мир отняла их, двоих!
Отлитые в бронзе, стоят ее дети,
и требует мужества память о них!

И сдвинуты брови. И губы упрямы.
И в зале становятся люди сильней!
А все-таки кто назовет ее мамой?
Чьи тонкие руки протянутся к ней?
О, если б вошла сюда песенка горна
и школьница Зоя за нею вослед,
чтоб «наш пионерский» воскликнуть задорно
и вместе с подругами грянуть: «Привет!»

...Была под Москвою повешена Зоя,
и сын Александр был убит наповал...

Но в эту минуту, без горна, без строя,
ребята предместий врываются в зал!
Они, не спросив о мандатах и визах,
косясь на залитые светом дома,
прошли через строй полицейских, как вызов,
и двери открыла им правда сама!

В пальтишке на вырост, с косичкою узкой,
идет мимо кресел дитя бедноты,
идет
        мимо стран
                        к этой женщине русской
и в тонких руках поднимает цветы...

Молчат переводчики в замершем зале...
Но разве нужны переводы, чтоб знать,
чтоб слышать, как детские руки сказали,
как детское сердце воскликнуло:
                                        — Мать!

МАРК СОБОЛЬ

МОЕЙ МАТЕРИ

Метель за окнами куражится,
то взвоет, то угомонится,
а матери все время кажется,
что это кто-то к ней стучится.

Наверно, шел солдат дорогою,
И вдруг взгрустнулось —
так бывает...
И вот теперь он двери трогает,
он с ног налипший снег сбивает.

Войдет —
постель ему постелена,
все для него,
чем здесь богаты...
О мать! За дальними метелями
сегодня в бой идут солдаты.

Искромсаны дороги стылые,
чужие черные границы...
Родная, старенькая, милая,
никто к тебе не постучится.

Идут солдаты
зимней полночью,
чтоб на земле оледенелой
весна торжественно и солнечно
за всеми окнами звенела.

Нам небо заревом высвечивать
и в рукопашной насмерть
драться,
чтоб смог солдат
весенним вечером
в твое окошко постучаться.

ФЕДОР СУХОВ

МАТЬ

Увидела. Припомнила. Узнала.
— Надолго ли?
— Да с месяц проживу.
— А мой Володька... — И не удержала
Горячих слез —
Упали на траву.

Ну что сказать ей?
Ничего не скажешь.
Тут ни солгать,
Ни отойти нельзя.
И мне как будто
Неудобно даже
Смотреть в ее усталые глаза.

К Октябрьской ли,
Ко дню ли Первомая
Иль в долгосрочный отпуск по весне
Который раз домой я приезжаю,
А сын ее
Все где-то на войне...

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

СТИХИ О ТОМ, КАК СЫН СТАЛ СОЛДАТОМ

Е. С. Межировой

Собирала мне мама
Мешок вещевой.
В нем запасов — ну прямо
На две жизни с лихвой.

Возле военкомата,
У Москвы на виду,
Подравнялась команда
В сорок первом году.

Паровозы кричали
В голос на Окружной.
Мама в печали
Прощалась со мной.

Застучали колеса,
Засвистели свистки.
Возле верхнего плеса
Вышли маршевики.

Дом мой — во поле яма,
Небо над головой...
Собирала мне мама
Мешок вещевой.

Я варил концентраты,
Руки грел у огня,
Ветераны-солдаты
Поучали меня.

Медсанбат в Шлиссельбурге
Стыл на невском ветру.
Хлопотали хирурги,
Говорили — умру.

Я глядел из тумана
В окна на Моховой —
Собирает мне мама
Мешок вещевой.

Хлеб на кухне я режу,
Окликаю сестру...
В медсанбате я брежу,
Говорят, что умру.

Новой песни начало,
Бессловесной еще,
В тишине прозвучало,
Обожгло горячо.

Песня, мать дорогая,
Я тебя прошепчу,
В трудный час помогая
Полковому врачу.

Ты врачуй мою рану,
Над палатой звучи.
Запою я — и встану.
Отойдите, врачи!

Подымаюсь упрямо.
Годен я к строевой!
Собирает мне мама
Мешок вещевой.

Снова передовая
В перекрестном огне,
Мне твердит, завывая:
«Страшен путь по войне».

Но из танковых башен
Полка моего
Он не так уж и страшен,
Как малюют его.

МАТЬ

Совсем одна на утреннем рассвете,
От грохота и грома вдалеке,
В спокойном
Широковском сельсовете,
На мелководной Молохте-реке,

На левом берегу стоит мирская,
Обхвата в три,
зеленая сосна.
Вот там и пролетела золотая
Младенчества веселая весна.

Тяжелые мохнатые деревья
Шептали сказки зимних вечеров,
И по пригорку —
Клевнево, деревня,
В сугробах снежных,
из шести дворов.

Там в водополье
веет влажный ветер,
Болота превращаются в моря...
Вот там и есть —
милей всего на свете —
Единственная родина моя!

Там жимолости розовая пена,
Смородина да хмеля благодать,
Поля в цвету. Там и жила Елена
Васильевна — моя родная мать.

Вот вспомнишь так —
и запахом знакомым
Пахнут ветра
от этих дальних мест.
Есть церковь на горе
под Вязосковом
И на кладбище —
деревянный крест.

Пусть нет тебя,
но до смертельной дрожи,
В коловороте грома и огня,
Всего понятней и всего дороже
Твой образ был
как песня для меня.

Нет, это больше,
это не привычка,
Воспоминанья сладковатый хмель.

Я был везде:
у черта на куличках,
От родины за тридевять земель.
Я мерз в снегу,
я шел опять в дорогу;
Дымилась даль прифронтовых
дорог.
Я падал, поднимался. Снова ногу
Подсчитывал походный котелок.

И в перерыве, в передышке боя,
Когда, казалось,
нету больше сил,
Я в тишине беседовал с тобою
И об одном тогда тебя просил:

Чтоб научила ты меня, не мучась,
Сквозь все дороги,
через все пути
Солдатскую положенную участь
На перетертых лямках пронести.

А осень рядом шлепала впритруску
И обдавала ветром и дождем.
Я падал. Поднимался.
Я был русской,
Все испытавшей женщиной рожден.

Вода стекала по железной каске,
Шумела над усталой головой;
Ты возникала рядом,
словно в сказке,
И молча проходила предо мной.

Был зной и лето. И земля дрожала,
Весь мир
насквозь пронизывала дрожь.
Ты, всех проворней нагибаясь,
жала
Высокую наливистую рожь.

Какая человеческая сила
Была в тебе, когда вдоль полосы
Ты, проходя, размашисто косила
Шатиловские спелые овсы!

Потом был запах хлеба и овина
И клевером набитый сеновал.
...Чего желать?
Я сам теперь мужчина,
Я вырос, огрубел и возмужал.

За то,
что мне дороже всех на свете
Единственная родина моя,
Где в водополье веет
влажный ветер,
Болота превращаются в моря.

Где частокол, опутан повиликой,
Встает перед глазами как живой,
Где влажный воздух
пахнет земляникой
И скошенной просушенной травой,
Где на тропе,
полузабытой, узкой,
Мать-мачеха обрызгана дождем...
Хотя бы потому,
что я был русской,
Все испытавшей женщиной
рожден —
Я вновь готов!
Опять иду в дорогу.
Дымится даль прифронтовых дорог.
Четвертый год подсчитывает ногу
Походный неизменный котелок.

Да, я нигде не преклоню колена.
Мне долго жить и много воевать.
Но, видишь, жду:
благослови, Елена
Васильевна, моя родная мать!

ГОЛОСОМ МАТЕРИ

Голосом матери звал меня дом,
Голосом детства: куда ж ты пропала?
Вот и береза твоя над прудом,
Видишь, как выросла, как возмужала.

Вот и тропинка твоя от ворот
С горки на горку взбежала и скрылась,
Будто я снова, пройдя поворот,
Этой тропою домой воротилась.

Будто я в ситцевом платье опять
С граблями в полдень стою среди луга.
— Маша! — зовет меня издали мать.
— Машенька! — громко ей вторит подруга.

Вот я беру за уздечку коня,
К речке веду вороного напиться,
Солнце идет, провожая меня,
В воду спускается, в струях дробится.

Милое русое солнце полей —
Щеки в веснушках, метелкой ресницы,
Нет ничего мне на свете милей
Русского поля, где рожь колосится.

ЛЮДМИЛА ТАТЬЯНИЧЕВА

СЫНОВЬЯ

Мне говорят, что слишком много
Любви я детям отдаю,
Что материнская тревога
До срока старит жизнь мою.
Ну, что смогу я им ответить —
Сердцам,
Бесстрастным, как броня?
Любовь, мной отданная детям,
Сильнее делает меня.
В ней все —
И радость,
И терпенье,
И те, шальные, соловьи...
За это чистое горенье
Спасибо вам,
Сыны мои!

МАМА

Как часто невниманьем обижаем
Мы в юности отцов и матерей!
Домой из института приезжая,
К своим друзьям
торопимся скорей.
На завтра отложив все разговоры,
Едва успев костюм дорожный снять,
В заречные зовущие просторы
Стремглав летим мы
детство догонять.
В своих подруг бросаем мы цветами,
Забыв нарвать для матери букет.
А мать все ждет.
Живет и дышит нами,
Обновы шьет,
Готовит нам обед.
Нас держит лес.
Не отпускает Кама.
Уже темно.
Поужинать и спать.
И лишь во сне мы повторяем:
«Мама»,
И наши сны оберегает мать.
А ночь идет, всю землю обнимая,
Баюкая уснувшие дома,
Но мать не спит,
Я это понимаю
С тех пор,
как стала матерью сама!

МАТЕРИНСКОЕ ГОРЕ

Легче сердце свое казнить,
Легче с разумом быть в раздоре.
С материнским горем
Сравнить
Можно лишь материнское горе...

НИКОЛАЙ ФЛЕРОВ

БАЛЛАДА О МАТРОССКОЙ МАТЕРИ

Матери моей,
Флеровой Надежде Дмитриевне

Пришла печальная и строгая.
Не день,
не два ее сюда
Везли железною дорогою
На Крайний Север поезда.

И наконец, дойдя до палубы,
Так сильно утомилась мать,
Что кажется, сейчас упала бы,
Когда б ее не поддержать.

Закатное густело зарево,
Окутав скалы и залив,
И тихо, тихо разговаривал
С матросской матерью комдив.

«Вот так же, Марфа Никаноровна,
Закат пылал и в том бою,
Когда с товарищами поровну
Делил ваш сын судьбу свою.

Он, может быть,
всю жизнь вынашивал
Мечту о подвиге своем.
Награду —
орден сына вашего —
Мы вам сегодня отдаем».

Нет, слез у матери не видели,
Наверно, выплакала их
Одна в лесной своей обители,
В уральских кручах снеговых.

И, снова рану сердца трогая,
Перетерпевшая беду,
Спросила только:
«Как дорогу я
К могиле Ваниной найду?»

Комдив смотрел на мать
растерянно,
Ей не решаясь объяснить,
Что нам обычаями велено
Матроса в море хоронить.

И тотчас травами душистыми
Пахнуло к нам из темноты —
Держала мать живые, чистые,
Слегка увядшие цветы.

И сердце будто бы застыло вдруг,
И словно рухнула скала, —
Ведь мать к могиле сына милого
За много верст цветы везла.

...Наперекор порядкам принятым,
С матросской матерью в поход
Эсминец шел к зыбям раскинутым,
Встречая солнечный восход.

Надолго, с небывалой силою
Тот день и час запечатлен,
Как над сыновнею могилою
Мать отдала земной поклон.

И там, где был давно отмеренным
Известный градус широты,
По океанским волнам вспененным
Поплыли яркие цветы.

Над необъятными просторами
Перед прозрачной кромкой льда
Они венками и узорами
У корабля легли тогда.

Казалось, не цветы разбросаны
За темным бортом корабля,
А это утренними росами
Омыты русские поля;

И каждая росинка близкая,
Сверкающая бирюза, —
Ее, казалось, материнская,
Сейчас пролитая слеза...

Шли в базу.
Завтра ли, сегодня ли —
Все знали:
вновь дружить с волной.
И мы наутро якорь подняли,
Прощаясь с бухтою родной.

А у причала невысокого
Стояла, выйдя провожать,
Уже теперь не одинокая
И всех нас любящая мать.

И, глядя на море с тревогою
И боль и радость затая,

Сказала нам перед дорогою:
«Счастливый путь вам,
сыновья...»

Залив вытягивался скатертью,
Но в море ждал кипящий вал.
И каждый расставался с матерью —
И «мамой» тихо называл.

И в даль идя необозримую,
Где смелых бурям не сломать,
Он вспоминал свою родимую,
Свою единственную мать.

И знал,
что сколько миль ни пройдено —
С ней вместе пройдено вдвоем.

И не случайно
Нашу Родину
Мы тоже
Матерью зовем.

ВИКТОР БОКОВ

* * *

Манит меня самое малое —
Не моря, не большой перелет, —
Лес, малина, брусника алая
И деревня, где мама живет.

Там, как женщина незамужняя,
Разнаряжена наша изба,
Под князьком деревянное кружево,
Удивительная резьба.

Там антенны и телевизоры,
Мотоциклы и даже авто.
Ходят улицей две дивизии,
И одна из них в женских пальто!

Там дымки завиваются в кольчики,
Блещут косы в мужских руках,
Там завязаны белые кончики
На бывалых, старинных платках.

Там над сельскими сеновалами
Месяц круто подкову гнет.
Там за шумными самоварами,
Не смолкая, беседа идет.

Про картошку да про покосы,
Про телят, про утят и цыплят.
А какие там светлые косы
У моих деревенских девчат!

Что мне мешкать? Сейчас же уеду!
Жить естественней, проще начну.
Я наказывал: буду в среду,
Что мне ждать, я во вторник махну!

МАТЬ

За забором домок,
Над трубою дымок.
В двух окошках свет,
В третьем — нет.

Стала сыну мать
На войну писать.
Ничего не слышит,
Только пишет, пишет.

«Сколько темных ночек
Я не сплю, сыночек,
Весть подай скорей,
Поубавь скорбей!

Ветер в поле кружит,
Ох, и сильно вьюжит,
Вьюге ни во что,
Коль замерзнет кто».

Вышла утром в сенцы,
Защемило сердце,
Намело сугроб,
Ну, совсем как гроб.

Мать по сыну плачет,
Слезы в платье прячет:
— Нет, не может быть,
Чтобы был убит!

На бугре домочек,
Над трубой дымочек,
Смеркнулся денек,
Вспыхнул огонек.

Мать сидит, вздыхает,
Скорбь не утихает.
Ничего не слышит —
Пишет... пишет... пишет!

МАТЕРИНСТВО

В природе есть одно единство,
Которое ее роднит.
Она лелеет материнство,
На нем незыблемо стоит.

Вот эта яблоня у тына,
Что сломится того гляди,
Оцепенела и застыла
От счастья, что на ней плоды.

Вот эта серая кобыла,
Пасущаяся у прясла,
Ни на минуту не забыла,
Что жеребенка принесла.

Глаза от радости слезятся,
А уши ревностно строги.
Еще бы! Рядом здесь резвятся
Четыре родственных ноги!

А ты, кукушка, что кукуешь,
Тревожа пасмурный рассвет?
Уж не о том ли ты горюешь,
Что малых деток рядом нет?!

ПАМЯТИ МАТЕРИ

1

Что ты, шмель, все гудишь, все
гудишь
И мохнатыми лапами шаришь?
Ты кому это так грубишь?
И какому соцветью мешаешь?

Приумолкни! Послушай, как в грунт
Лезет гроб, задевая коренья.
О, навеки умолкшая грудь,
Не рассчитывай на вызволенье.

Первый раз тебя так, поэт,
Горечь горя за горло хватает.
Самой лучшей из женщин — нет,
Самой, самой святой — не хватает!

Ни одна мне не скажет:
— Сынок! —
Ни одна не заплачет при встрече.
Я стою — одинок, одинок,
Горе-горькое давит на плечи.

Давит, душит, как черная рысь,
Непролазными чащами водит.
Кто-то юн, кто-то тянется ввысь,
А кому-то итоги подводят.

Навсегда затворились уста,
Плачут иволги в сотни жалеек.
Вся природа кричит:
— Сирота!
Подойди, мы тебя пожалеем.

Вам печали моей не унять
Ни огнем, ни вином, ни гулянкой.
Мать-земля! Береги мою мать,
Ты теперь ее главная нянька!

2

О смерти не хотела слышать!
О, как она хотела жить!
— А полотенце надо вышить!
— А кур-то надо покормить!

— Отец! А крыша-то худая,
Ей нужен кровельщик скорей! —
Мать русская! Ты, и страдая,
Не гасишь света и лучей.

В иную уходя обитель,
Где все молчит и все во мгле,
Ты все ведешь себя как житель,
Который ходит по земле!

ОРЕНБУРГСКИЙ ПУХОВЫЙ ПЛАТОК

В этот вьюжный неласковый вечер,
Когда снежная мгла вдоль дорог,
Ты накинь, дорогая, на плечи
Оренбургский пуховый платок.

Я его вечерами вязала
Для тебя, моя добрая мать,
Я готова тебе, дорогая,
Не платок — даже сердце отдать!

Чтобы ты эту ночь не скорбела,
Прогоню от окошка пургу.
Сколько б я тебя, мать, ни жалела,
Все равно пред тобой я в долгу.

Пусть буран все сильней свирепеет,
Мы не пустим его на порог.
И тебя, моя мама, согреет
Оренбургский пуховый платок.

ВИКТОР КОЧЕТКОВ

ПОБЕДА

Майский полдень лучист.
Над Берлином затихла гроза.
И пришла тишина
Настороженно-чуткая
Следом...
Тот, кто видел ее,
Кто тогда заглянул ей в глаза,
Тот навеки запомнил
Черты долгожданной Победы.

Пусть весь город в дыму.
Разве можно ее не узнать!
Через пепел и камни
В простой, запыленной одеже
К нам шагала она —
Поседевшая мудрая мать,
Та, что нас родила,
Та, что всех нам родней и дороже.

Нет, ее не согнула,
Ее не сломила гроза.
Только стала лицом она
Строже за годы разлуки.
Мы глядели в ее молодые,
Как прежде, глаза.
На ее потемневшие,
В ссадинах руки.

— Здравствуй, мать!.. —
Где-то в горле застряли слова.
По щекам полились
Столько лет береженные слезы...
А за ней распахнулась
Родимых небес синева...
И на дальних пригорках
Под ветром качнулись березы.

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ

СОВЕСТЬ

Упадет голова —
Не на плаху,
На стол упадет,
И уже зашумят,
Загалдят,
Завздыхают.
Дескать, этот устал,
Он уже не дойдет.
Между тем
Голова отдыхает.

В темноте головы моей
Тихая всходит луна,
Всходит, светит она,
Как волшебное око.
Вот и ночь сметена,
Вот и жизнь мне видна,
А по ней
Голубая дорога.

И по той,
Голубой,
Как бывало,
Спешит налегке,
Пыль метя подолом,
Пригибая березки,
Моя мама...
О мама!
В мужском пиджаке,
Что когда-то старшой
Посылал ей из Томска.

Через тысячи верст,
Через реки,
Откосы и рвы
Моя мама идет,
Из могилы восставши,
До Москвы,
До косматой моей головы,
Под веселый шумок
На ладони упавшей.

Моя мама идет
Приласкать,
Поругать,
Побранить,
Прошуметь надо мной
Вековыми лесами.

Только мама
Не может уже говорить,
Мама что-то кричит мне
Большими глазами.

Что ты, мама?
Зачем ты надела
Тот старый пиджак?
Ах, не то говорю!
Раз из тьмы непроглядной
Вышла ты,
Значит, делаю что-то не так,
Значит, что-то
Со мною неладно.

Счастья нет.
Да и что оно!
Мне бы хватило его,
Порасчетливей будь я
Да будь
терпеливей.
Горько мне оттого,
Что еще никого
На земле я
Не сделал
Счастливей.

Никого!
Ни тебя
За большую твою доброту,
И ни тех,
что любил я
Любовью земною,
И ни тех,
что несли мне
Свою красоту,
И ни ту,
Что мне стала
Женою.

Никого!
А ведь сердце
Веселое миру я нес,
И душой не кривил,
И ходил только прямо,
Ну а если я мир
Не избавил от слез,
Не избавил родных,
То зачем же я,
Мама?..

А стихи!..
Что стихи?!
Нынче многие
Пишут стихи.

Пишут слишком легко,
Пишут слишком уж складно...
Слышишь, мама,
В Сибири поют петухи,
А тебе далеко
Возвращаться обратно...

Упадет голова —
Не на плаху.
На тихую грусть...
И пока отшумят,
Отгалдят,
Отвздыхают,
Нагрущусь,
Настыжусь,
Во весь рост поднимусь,
Отряхнусь
И опять зашагаю!

НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ

* * *

Спокойны руки. Сомкнуты ресницы.
Ужели, мама, ничего не спится?
Ужели совершенно ничего?..
Но ясен лик, а губы сжаты плотно.
Ты первый раз уснула беззаботно,
Без всех тревог за сына своего.

ЭХ ТЫ, МАМА, МОЯ МАМА...

Эх ты, мама, моя мама,
Выслушай меня ты...
Не ходи со мною, мама,
До военкомата.

И не стой, не стой в печали,
Прислонившись к тыну.
И не плачь, не плачь ночами
По родному сыну.

Вот когда мы завтра строем
Двинемся в дорогу,
Помаши ты мне рукою
С нашего порога.

Буду я боец отважный,
Может, даже летчик.
Мне никто теперь не скажет —
«Маменькин сыночек»...

Эх ты, мама, моя мама,
Выслушай меня ты.
Ты сегодня — просто мама,
Завтра — мать солдата.

МАТЕРИ

Никаких гимназий не кончала,
Бога от попа не отличала.
Лишь детей рожала да качала,
Но жила, одну мечту тая:
Вырастут — и в этой жизни серой
Будут мерить самой строгой мерой,
Будут верить самой светлой верой
Дочери твои и сыновья.

Чтобы каждый был из нас умытым,
Сытым,
С головы до ног обшитым,
Ты всю жизнь склонялась над корытом,
Над машинкой швейной и плитой.
Всех ты удивляла добротою,
Самой беспросветной темнотою,
Самой ослепительной мечтою...
Нет святых.
Но ты была святой!

РАССВЕТ

Меркнет луна-обходчица
В узком окне избы...
— Мама, мне спать не хочется,
Я пойду по грибы.

— Ишь ты, поднялся затемно,
Шел бы потом, с людьми.
Ладно!.. Но обязательно
Хлеба с собой возьми...

Вот я и за овинами.
Пашней и луговинами
С лыковым кузовком
В лес иду босиком.

Вот за стернею колкою
Пересекаю гать...
Прямо под первой елкою
Можно грибов набрать!

Крепкие да красивые,
Просятся в две руки
Алые подосиновые,
Бурые боровики.

Снова ольха ветвистая
Машет рукой мне вслед.
Пестрый щегол неистово
Тихий поет рассвет.

Из далека туманного,
Из невысоких мест
Вижу мое Рахманово —
Крыши... Церковный крест.

Вот и они скрываются —
Прячет меня овраг...
...Многое забывается,
Этот рассвет — никак!

Я разобраться пробую,
Чем он милей всего?
Ну ничего особого,
Попросту — ничего!

Что же им сердце полнится,
Светом его лучась?..
...Знаю, он мне припомнится
Даже в последний час.

Пашню увижу заново,
Ельник рассветный,
Гать,
Крыши и крест — Рахманово!
И на крылечке — мать...

* * *

А тут ни бронзы, ни гранита —
Бугор земли да крест простой.
Она,
Ничем не знаменита,
Спит под цементною плитой.

А ради нас она, бывало,
Вставала поутру, чуть свет.
Кормила нас и одевала,
Тепло и хлеб свой отдавала
В годины горестей и бед.

В делах — с субботы до субботы...
А дочери и сыновья
Дарили ей одни заботы,
И больше всех, конечно, я.

Да, ей была со мной морока:
Я пил и летом, и зимой.
И ни намека,
Ни упрека,
Ни боже мой...
Ах, боже мой!..

И если стынет,
Обитая
Под сенью ветхого креста,
Душа, такая золотая,
Какой же быть должна плита?..

А тут ни бронзы, ни гранита —
Цемент, невзрачный и немой.
Она ничем не знаменита.
Ни боже мой...
Ах, боже мой!..

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

В ГОРОДЕ

Мать приехала в город к сыну.
Нет, не в гости на этот раз.
На высокий этаж насилу
С сыном под руку поднялась.
Полпролета пройдет — и станет,
Воздух меряя на глотки,
Не снимая с перил усталой,
В синих жилах, большой руки.

Глухо сердце больное билось,
А ступеньки все вверх вели.
И чем ближе до неба было,
Тем все далее до земли,
По которой,
чтобы скорее,
Столько хожено босиком...

Как же жить ей теперь
Над нею,
Словно облако, высоко?

И едва отошли морозы,
Стало солнышко припекать,
«Что-то в нашем теперь
колхозе?..» —
Вслух однажды вздохнула мать.
К шуму города безучастна,
Стала тихой — не ест, не пьет.
Словно старую птицу,
Властно
Потянуло ее в отлет.

Сын балкон распахнул:
Гляди, мол,
Мама, город растет какой!
Талым снегом пахнуло,
Дымом
Домен, выросших над рекой.
Небо заревом полыхало.

И сказала она в ответ:
«Пароходы пошли, слыхала...
Ты б купил мне, сынок, билет».

ПИШИТЕ ПИСЬМА МАТЕРЯМ

Поют гитар походных струны
в тайге, в горах, среди морей...
О, сколько вас сегодня, юных,
живет вдали от матерей!

Вы вечно, юные, в дороге —
то там объявитесь, то тут...
А ваши матери в тревоге
вестей от вас все ждут и ждут.

Они считают дни, недели,
слова роняя невпопад...
Коль рано матери седеют —
не только возраст виноват.

И потому, служа солдатом
или скитаясь по морям,
почаще все-таки, ребята,
пишите письма матерям!

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

ПОЛОТЕНЦЕ

Из ковшика в сенцах
Лицо я умою.
Возьму полотенце
У мамы льняное.
Возьму полотенце
Старинной работы,
А вот утереться
Все медлю чего-то.
Я знаю, я помню
Отчетливо смалу,
Как мама с любовью
Его вышивала.
Грустили и пели
У ней в поединке
На полюшке белом
Крученые нитки.
То крестиком — ловко,
То нежно — овалом,
И пряха-молодка
На льне оживала.
В кокошнике ярком,
В цветном сарафане
Тоскует за прялкой
И ниточку тянет.
И русскою вязью,
Узорной, как листья,
Подметано ясно:
«Пряди, не ленися».
...В заботах, в тревогах
Далеко от дома
Мотают дороги
Меня, уж седого.
С разгона, с размаха
Дни мчатся за днями,
А строгая пряха
Все ниточку тянет.
И на небе светлом
Все кружится солнце,
Как будто бы это
Ее веретенце.
Взгляну я на дали,
Взгляну я на выси
И выдохну тайно:
«Пряди, не ленися».
И с радостным сердцем,
Устав от разлуки,
Уткнусь в полотенце,
Как в мамины руки.

МАТЬ

— По рыжики не выбраться ли нам? —
Мать говорит мне, под руку толкая.
И щурится с крыльца по сторонам. —
Погода-то привольная какая!
Ну, что молчишь? С собою позови... —
А я на мать любуюсь с интересом:
Свои грибы и ягоды свои
Давным-давно повыбрала из леса.
— Пойдем! — я улыбаюсь, и она,
Держась меня, бредет в раздолье просек.
И под платочком темным седина,
Как белый отблеск встреченных березок.
Щемит мне сердце близостью такой.
Мы с матерями странно отдаленны.
А тут она вот рядом, под рукой —
И на душе от листопада звоны.

Как торопливы, как слабы шажки!
Сбавляю шаг, и мне ничуть не тяжко.
— Вот Утичье, — вздохнет, — вот Подстожки,

А это — боже мой — да ведь Корчажка!
Ой, заросла. А как была чиста! —
И вновь стоит средь скошенных угодий...
Что для меня — грибные лишь места,
Для матери — судьба, труды и годы.
Я сокрушенно вместе постою
И, отдалясь, пойду Корчажкой с краю
И в звонкую корзинищу свою
Знай рыжики ядреные бросаю.
Мать подожду. Она бредет ко мне,
И след ее опять раздумьем выстлан.
Ну а в корзинке на глубоком дне
Одни лишь листья, золотые листья...

* * *

Судьба не сладкая — вдовья,
На праздники не красна.
А понедельников вдоволь
Для матери припасла.
Мать сеяла хлеб и жала,
Не думала о себе:
Одна осталась большая —
Все маленькие в избе.
...Какие года пережили!
И шутит грустно она:
«Теперь все стали большими,
А маленькой — я одна...»

ОЛЬГА ФОКИНА

* * *

До родительского дома,
Коль оказии не ждать,
Мне шагать с аэродрома
Километров двадцать пять.
Под надзором черных елок —
Занесенная Двина.
Долог, долог снежный волок,
Нерушима тишина.
Но, едва расцепит лапы
Лес, — мигнет навстречу мне
Керосиновая лампа
В замороженном окне.
Захочу, как в детстве, всхлипнуть,
Но сдержусь и — ни гугу! —
Только б валенок не скрипнул
На утоптанном снегу,
Подойду, царапну иней,
Осторожно подышу,
Как полено в печку кинет
Мать, — счастливо подгляжу.
Подгляжу, прильнув к окошку,
Как на плитку — в самый срок! —
Мать с начищенной картошкой
Установит чугунок.
Наклонясь, кота погладит:
— Шел бы, Васька, мышевать! —
И поближе к лампе сядет
Рукавицы ушивать.
Это брата рукавицы.
Вот и он — через порог.
В инье шапка и ресницы:
Ездил за сеном, продрог.
Подмороженной подошвой
В половицы постучит,
На печь валенки положит,
На калены кирпичи,
За столом — хозяин-барин:
— Мне бы чаю наперед! —
На пыхтящем самоваре
Пота капельки утрет.
Оторвусь от мерзлой рамы,
Пообщаюсь с голиком,
Двери настежь:
— Здравствуй, мама!
Здравствуй, самый светлый дом!

МАТЬ

— Немало дел, не переделать дел,
Да пусть, управлюсь к вечеру с делами! —
Уж больно низко самолет летел
И над деревней покачал крылами.
Паук спустился с лампы — к новостям.
Сорока возле дома суетилась,
Из печки уголь выскочил — к гостям...
Да и во сне так ясно дочка снилась! —
В шубейке старой, в валенках больших
Пять километров шла до телефона,
Надежду грела в глубине души:
Не позвонит ли дочка из района?
А вдруг и скажет: — Здравствуй! Как дела?
Встречать не надо — еду на почтовой! —
А мать чуть свет — уж сани припасла,
У бригадира выпросив Гнедого.
Наклала б сена выше передка,
Взяла б накидку теплую на плечи,
И погнала б стоялого Гнедка
Почтовой смирной Ласточке навстречу.
...Но телефон опять не позвонил.
Уныло прочь пошла от сельсовета:
— Ну ладно... подлиннее стали дни...
Приедет летом... Долго ли до лета...

* * *

Редко, но заходили
Кумушки — пожалеть:
— Бедная ты, Клавдия!
Всех накормить, согреть,
Всем постелить, укутать,
Всех обстирать, умыть,
Не промочить в распуту,
В стужу — не простудить, —
Где ты найдешь управу
На полсемейства хоть?
Экой тебя оравой
Вознаградил господь! —
Всхлапывали руками,
Едко прищурив глаз,
Словно бросали камень
В самую боль как раз.

С младшим, к груди прижатым,
Встанешь, как рать на рать:
— Я-то, кума, богата!
Да посиди, куда ты?
— К дому поближе нать... —
Весело улыбнешься
Малому и большим:
— Не поглянулось гостье:
Видишь ли, — не пищим!
Надо бы рвать волосья,
Надо бы в голос выть.
Не поглянулось гостье —
Всем не унаровить! —
...Нет у тебя защиты —
Сгинула в пасть войны.
Иньем убито жито,
Грядки разорены
Тем же ночным морозом,
А впереди — зима.
Как зимовать? — с вопроса
Можно сойти с ума,
Если сидеть и киснуть,
Слезно повесив нос.
Слезы... ни днесь, ни присно
Вам не решить вопрос.
Руки, на вас надия!
Ноженьки, не сдавай!
— Сильная ты, Клавдия!
— Не городи давай.

...Дня недостанет — ночи
Щедрый урвешь кусок,
Первой тропу протопчешь
Дров нарубить — в лесок,
Первой распашешь поле,
Первой нажнешь снопок,
Первыми станут в школе
Дети: ученье — впрок.
Скажет про то директор,
Скажет не раз при всех.
И прищемит соседка
Песню: — С детями — грех! —
Теплой волною радость
Вытурит из сапог
Стужу. С похвал румянясь,
Вышагнешь за порог,
Небо увидишь — в звездах,
С месяцем посреди...
И почему-то слезы
Вдруг закипят в груди.
Снега с сугроба хватишь:
— Недоставало вас! —
Вовремя их осадишь,
Не допустив до глаз.

...Мама моя! Мы стали
Взрослыми — все, давно.
Родина нас похвалит:
Старших — за хлеб-зерно,
Средних — за сталь-железо,
Младших — за песню-сказ.
«Вырос — ломоть отрезан» —
Все-таки не про нас.
Все мы — твое единство:
Песня, и хлеб, и сталь.
Эту, за материнство,
Мама, надень медаль.
Всех позови соседок,
С каждою посудачь.
Слезы придут проведать —
Не прогоняй, поплачь.
Можно теперь поплакать,
Слезы твои чисты.
Дождь по весне — не слякоть,
Радуга-дождь, цветы.
Есть кому их заметить,
Есть кому их умыть,
Есть кого в доме встретить,
Есть кого проводить, —
Кучей, оравой, грудой,
Наперебой, гурьбой...
Главные «ладно» — «худо» —
Все-таки — за тобой.

ВИКТОР КОРОТАЕВ

* * *

О вера наших матерей,
Вовек не знающая меры,
Святая трепетная вера
В нас,
Подрастающих детей.
Ее, как свет в березняке,
Не вытравит ничто на свете:
Ни единицы в дневнике,
Ни злые жалобы соседей.
Уж матери такой народ —
Вздохнут,
Нас долгим взглядом смеря:
«Пусть перебесятся. Пройдет». —
И снова верят, верят, верят.
Так верят матери одни
Взыскательно и терпеливо.
И — не крикливые — они
Не почитают это дивом.
А просто нипочем года
Их вере, трепетной и нежной;
Вот только мы-то
Не всегда
Оправдываем
Их надежды.

ЛЕОНИД БЕЛЯЕВ

СЫН ПРИЕХАЛ

Сын приехал у Анюты!
Свату — сват, куме — кума —
Эта новость в три минуты
Обежала все дома.
Не забыты и детали:
В чем одет да что привез.
Те детали обрастали.
Словом, к ночи наболтали —
Все собрать — так с добрый воз.
У Анюты нынче праздник,
Жаль, без девок и парней.
Сын и был-то только разик
После армии у ней...
В предвкушении веселья,
Зиму с валенок согнав,
Гости вваливают в сени,
Тянут первую до дна.
Наполняя кружки пивом,
Сам виновник новостей
Расхмельным речитативом
Щедро потчует гостей.
Раскрасневшись со спиртного,
Уж, поди, в десятый раз
Он рассказывает снова
Жизнь свою не без прикрас.
«Эх, Воркута-красота,
Воркута — шахтерский город.
Это жило, брат, по нам:
Уголь сыплется за ворот,
Деньги валятся в карман...»
Окна — эстолько народу —
Отпотели от дышков.
Мать вычерпывает воду
Чайной ложкой из лотков.
Мать! Единственная в мире.
Сын зовет, а — на тебе! —
Не желает жить в квартире,
Век промаявшись в избе.
Да и сын — она-то чует —
Весь он сельский, здешний весь.
Там и днюет и ночует,
Ну а сердцем — только здесь.
Он проснулся утром, вышел
На морозец на крыльцо.
Полной грудью парень дышит,
Взял калитку за кольцо.
Тронул старые ворота —
Сгнил дубовый добрый тес.
На цепи сидит за что-то
Репрессированный пес.
Он рукой его погладит,
Смотрит дальше, что и как.
Там подвяжет, тут приладит.
Захирев без мужика,
Дом окреп за две недели.
Даже крыша кое-где
Доски новые надела —
По весне не течь воде.
Отпуск весел, да недолог.
Был и не был дома сын.
Сыплет ветер, зол и колок,
Снегом жестким и косым,
— Уезжаешь?
— Еду, значит,
Может быть, на много зим. —
Пес помилованный скачет.
Мать слезу от сына прячет.
В шаль, подаренную им.

СЕРГЕЙ ЧУХИН

* * *

Люди вынули зимние рамы.
Нету сна никому от грачей.
И наверное, дома у мамы
Под порожек пробился ручей.
И наверное, маме не спится.
Ночь подходит уже под конец.
Если спится, то что же ей снится?
Дай бы бог, не покойный отец,
Дай бы бог, не беспутные дети...
Одного только хочется мне,
Чтоб подумалось ей на рассвете
О грядущем сегодня письме.
Чтобы не было ей одиноко,
И, участие к ней сохраня,
Я хочу, чтоб у маминых окон
Кто-нибудь постоял за меня.
Дорогая моя, золотая,
Были б крылья — к тебе прилетел
Вслед за этой грачиною стаей
От бессонниц, от книжек и дел.
Но не в слове тебе утешенье...
Надо просто приехать, обнять
И попробовать с чаем варенье,
Двор весенний расчистить опять.
Как бы птицы тогда ни кричали —
Сны бы светлые жили в избе...
А пока — мне не спится ночами...
Как-то, милая, спится тебе?

* * *

Она давно живет одна.
Помолится неслышно богу
И смотрит, смотрит из окна
На онемелую дорогу.

Надеялась, не дождалась...
Пережила какие грозы!
...Четыре года кровь лилась
И тридцать лет, как льются слезы.

И все ж на сторублевую бумажку,
бочком пробравшись как-то в магазин,
она купила кремову рубашку,
мол, вдруг да из троих-то хоть один...

Теперь тропинки до нее забыты,
она ушла навеки из села.
Крест-накрест окна досками забиты,
изба кругом бурьяном обросла.

И целый день одна, воркуя глухо,
там в темноте голубушка живет.
Душа покойной, верится старухам,
вернулась это и осталась — ждет.
И некому на свете удивиться
пустой избе и травному двору...

Ну, что ты ноешь, пигалица-птица?
Зачем ты плачешь?
Или не к добру?
Ты знай летай,
летай себе высоко.
Теперь в груди у каждого горит —
на кочке, охраняемой осокой,
твое гнездо никто не разорит.

ВАДИМ КУЗНЕЦОВ

МАМЫ

Мамы ахали,
мамы охали,
провожая сыночков
в Брохово,
что в Колымском краю находится
у залива,
где что-то ловится.

Мамы плакали,
слезы прятали,
пироги на дорогу стряпали,
посыпали их
сахарной пудрою,
нам советы давали мудрые:
чтобы шеи шарфами кутали,
чтобы водку с водой
не путали,
чтоб всегда начальников слушали,
чтобы луку побольше кушали,
чтоб с плохими людьми не водились,
раньше времени не женились;
да еще —
чтоб в Москву,
на Неглинную,
присылали им
письма длинные...

Отвечали мы
мамам бодро,
обещали мы
мамам твердо,
хоть тогда уже понимали,
что слова свои сдержим едва ли.

Не судите нас строго, мамы!
В узкой бухте,
у речки Ямы,
где всю осень ветра бушевали,
мы про ваши шарфы забывали!
Забывали туман и сырость;
даже ночью
кета нам снилась!

Не судите нас, мамы, строго!
У скалистых ямских острогов,
где на льду мы неделю жили,
когда кровь застывала в жилах,
когда камни от стужи стреляли, —
мы про ваш наказ забывали!
Мы навагу тогда ловили
и, конечно, не воду пили!

Не судите нас строго, мамы,
и за то,
что мы очень прямо —
как нас в школе еще учили! —
на собраньях начальство крыли
за собачий холод в палатках
и за прочие неполадки:
за спецовки — не дали новой! —
за прокисшие щи в столовой.

Не судите нас, мамы, строго!
Просто дел у нас очень много —
потому-то в Москву,
на Неглинную,
не приходят вам письма длинные.

Не судите нас строго, мамы!
Вы получите телеграммы,
скоро вам придут телеграммы:
«Прилетайте на свадьбы, мамы!»

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

* * *

Поздравляю вас, мама,
с днем рождения вашего сына.
За него вы волнуетесь,
и волнуетесь сильно.
Вот лежит он,
худущий,
большой и неприбранный,
неразумно женатый,
для дома неприбыльный.
На него вы глядите
светло и туманно...
С днем рожденья
волнения вашего, мама!
Вы ему подарили
любовь беспощадную к веку,
в Революцию
трудную,
гордую веру.
Вы не дали ни славы ему,
ни богатства,
но зато подарили
талант не бояться.
Отворите же окна
в листву
и чириканье,
поцелуем
глаза его пробудите.
Подарите ему
тетрадь и чернильницу,
молоком напоите
и в путь проводите...

МАТЬ МАЯКОВСКОГО

В мягком стареньком кресле сидит она,
ласково глядя
на гостей молодых,
на веселье, на споры и пыл.
Угощает вареньем:
«Айвовое...
из Багдади...
Обязательно кушайте...
Он его очень любил».
Для нее он всегда был худым и простуженным,
до варенья охотником и пастилы —
словом, просто Володей,
которому нужно

дать поесть,
чай согреть
и постель постелить.
Сразу было ей ясно,
когда тосковал он о ком-то,
но она не могла разобраться во многом другом
и ту самую страшную желтую кофту,
чуть вздыхая,
гладила утюгом.
Он гремел на эстрадах,
веселый и грозно остривший,
но она-то ведь знала,
как дома потом,
ей в колени упав головою остриженной,
он дышал тяжело
со стиснутым ртом.
Без него ей так трудно,
да и мало уж силы...
В мягком стареньком кресле
сидит она, руки сложив.
Ей сегодня гости опять про сына
говорят, что не умер,
что с ними,
что жив,
говорят про бессмертье,
про все такое...
Ну а ей бы —
припасть к нему просто на грудь,
его жесткую голову
медленно
тронуть рукою
и за то, что так часто он курит,
опять упрекнуть...

МАМА

Давно не поет моя мама,
да и когда ей петь!
Дел у ней, что ли, мало,
где до всего успеть!
Разве на именинах
под чоканье и разговор
сядет за пианино
друг ее — старый актер.
Шуткой печаль развеет,
и ноты ищет она,
ищет и розовеет
от робости и от вина...
Будут хлопать гуманно
и говорить:
«Молодцом!»,
но в кухню выбежит мама
с постаревшим лицом.
Были когда-то концерты
с бойцами лицом к лицу
в строгом,
высоком, как церковь,
прифронтовом лесу.
Мерзли мамины руки.
Была голова тяжела,
но возникали звуки,
чистые, как тишина.
Обозные кони дышали,
от холода поседев,
и, поводя ушами,
думали о себе.
Смутно белели попоны...
Был такой снегопад —
не различишь погоны, —
кто офицер, кто солдат...
Мама вино подносит
и расставляет снедь.
Добрые гости просят
маму что-нибудь спеть.

Мама,
        прошу,
                не надо...
Будешь потом пенять.
Ты ведь не виновата —
гости должны понять.

Пусть уж поет радиола
и сходятся рюмки, звеня...
Мама,
        не пой, ради бога!
Мама,
        не мучай меня!

МАТЬ

Прекрасна мать с ребенком на руках,
но от нее на волю рвется мальчик —
такой неукротимый атаманчик
со стружками льняными на висках.
Вкушая молоко, протертый суп,
уже он горьким бредит и соленым,
и крепким белосахарным собором
во рту его восходит первый зуб.
У матери от счастья в горле ком,
когда ее всевластный повелитель
сидит, как император Петр Великий,
на троне, притворившемся горшком.
Но где неуловимейшая грань,
когда, лукавя каждою веснушкой,
ребенок притворяется игрушкой
и начинает матерью играть?
Уже он знает, маленький хитрец,
катаясь в ловко сыгранной падучей,
что все получит, если мать помучит,
и получает это наконец.
А там, где надо, лаской возьмет,
на шее несмышленышем повиснув,
ну а в головке — каверзный провизор
отмеривает слезы или мед.
Мать верит, что правдивы мятежи
и с целью распускаемые сопли —
чужие сыновья на все способны,
но не способен собственный ко лжи.
И вдруг однажды явно он солжет,
и пошатнется самое святое,
и ложь ребенка серной кислотою
слепое сердце матери сожжет.
Мы все когда-то начинаем лгать,
но сколько бы в грядущем и прошедшем
мы с вами ни обманываем женщин,
есть первая
                обманутая — мать.

УХОДЯТ МАТЕРИ

Р. Поспелову

Уходят наши матери от нас,
уходят потихонечку,
                на цыпочках,

а мы спокойно спим,
едой насытившись,
не замечая этот страшный час.
Уходят матери от нас не сразу,
нет, —
нам это только кажется, что сразу.
Они уходят медленно и странно,
шагами маленькими по ступеням лет.
Вдруг спохватившись нервно в кой-то год,
им отмечаем шумно дни рожденья,
но это запоздалое раденье
ни их,
ни наши души не спасет.
Все удаляются они,
все удаляются.
К ним тянемся,
очнувшись ото сна,
но руки вдруг о воздух ударяются —
в нем выросла стеклянная стена!
Мы опоздали.
Пробил страшный час.
Глядим мы со слезами потаенными,
как тихими суровыми колоннами
уходят наши матери от нас...

ПОМНИШЬ, МАМА?..

Помнишь, мама моя,
Как девчонку чужую
Я привел тебе в дочки,
Тебя не спросив?
Строго глянула ты
На жену молодую
И заплакала вдруг,
Нас поздравить забыв...

Я ее согревал
И теплом и заботой,
Не тебя,
а ее
Я хозяйкою звал.
Я ее целовал,
Уходя на работу,
А тебя,
как всегда,
Целовать забывал...

Если ссорились мы,
Ты ее защищала,
Упрекала меня,
Что не прав я во всем,
Наш семейный покой,
Как могла, сохраняла,
Как всегда позабыв
О покое своем...

Может быть, мы бы с ней
И расстались,
не знаю,
Только руки твои
Ту беду отвели.
Так спасибо ж тебе,
Что хранишь ты, родная,
То, что с нею вдвоем
Мы б сберечь не смогли...

СТИХИ ОБ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЕ

Эта старая женщина
В белом халате,
Заступившая в ночь
На дежурство свое,
Двадцать лет прослужила
В родильной палате.
Узловаты, натружены руки ее.

Нелегко в этом доме
Дается порядок —
Обойди матерей,
Накорми, успокой,
И на той половине
Все десять кроваток
Надо тоже
Держать под рукой!

Все положено знать ей
О каждом ребенке:
И когда ему есть,
И какой он в лицо.
На руке у него
Номерок из клеенки,
Как на лапке у голубя
Метка-кольцо.

Эта старая женщина
В белом халате,
С пожелтевшим лицом
От бессонниц ночных
Двадцать лет прослужила
В родильной палате,
Но детей
не пришлось
Пеленать ей
своих.

Четверть века назад
В чистом поле на Каме
Муж ее —
Коммунист из глухого села —
На глазах у жены
Был убит кулаками.
Через час
под скирдою
Она родила.

Разорвала
Своею рукой пуповину,
Рядом не было нянек —
Степь да степь без конца...

Молча глянула
В мертвое личико сыну —
Весь в отца!..

И когда
в этом каменном доме
впервые
Заступила она
На дежурство свое,
И когда
чей-то муж,
Растопырив ладони большие,
Принял бережно
сына
Из рук у нее,
И когда
он, счастливый,
Глядел на ребенка,
То не понял никто,
Почему,
отчего,
Не стесняясь народа,
Заливисто, звонко
Разрыдалась она
Ни с того ни с сего...

Сколько малых детей
Ее руки качали,
Скольких
нянчили
Руки ее
матерей,
Сколько пышных букетов
Отцы ей вручали,
Но букеты
Назначены были не ей.

Антонина Максимовна,
Мать Антонина,
Может быть, ты сейчас
На дощатых ступеньках крыльца
Вновь отцу подаешь
Осторожно и ласково сына,
Улыбаешься:
Как он похож на отца!

РИММА КАЗАКОВА

* * *

Родился сын, пылиночка,
лобастенький, горластенький.
Горит его пеленочка —
видна во всех галактиках!

Ему не только родинки,
не только эти батькины
глаза и губы бантиком —
ему дала я Родину.

Со мной, как рыбка в неводе,
и словно надо мною
лежит — губами в небо —
дитя мое земное.

Не надо славы, почестей, —
ах, просто б жизнь текла.
Сынок февральской почечкой
ждет моего тепла.

Теперь земля и воздух,
глубь вод и жар огня,
и все на свете звезды
зависят от меня.

ВЛАДИМИР ГОРДЕЙЧЕВ

КОЛЫБЕЛЬ

(Из поэмы)

Вставала мать часа в четыре
от петушиных голосов.
Впотьмах подтягивала гири
скрипучих ходиков-часов.
На ощупь лампу зажигала,
еще вполглаза, вполума
и править домом начинала
как заведенная сама.
Семилинейная, светлее
в ее заботах свет лучи,
где «Курской правдою» оклеен
посудный угол близ печи.
И ты, родная, по привычке
до первых проблесков зари
в печи огонь от новой спички
домашним солнцем сотвори.
Пока в углу картошку чистишь,
душой еще в недавних снах,
о чем на свете ни помыслишь
и все опять же — о сынах.
Как знать, добром ли выйдет
путь им,
когда по прихоти благой
один из них — в Литинституте
и в музучилище — другой?
Вне окоема черных пашен,
вне круга знаемых работ
и завлекателен и страшен
тебе сыновний выбор тот.
Но нынче нет большой причины
об их загадывать судьбе:
на лето целое, мужчины,
они приехали к тебе.
Стараясь двигаться нерезко,
ты над кроватью в некий миг
отодвигаешь занавеску,
чтобы взглянуть на спящих их.
В родном дому, покой дарящем,
превыше всех на свете крыш
над нами ты миротворящим
зеленым деревом стоишь.
И мы — у снов своих во власти.
Влекут нас в дальние моря,
тяжелоруких,
у запястий
наколотые якоря.
Нас не гнетет и не тревожит
та мысль из яви в ранний час,
что мы у матери, быть может,
гостим последний в жизни раз...
Гармония! Твои уроки
нам в ученичестве даны
лишь ликованием, до срока
без ясно видимой цены.
Парим, под облаком курлычем,
то ощущенье потеряв,
что наш восторг дисгармоничен
по отношенью к матерям.
Нам рукомойник руки полнит
со сна студеною водой.
А мать как глянет, так и вспомнит:
исправить надо бы — худой.
Сарай, где с крыши так ли мило
свистеть во всю ребячью прыть.
А мать все смотрит на стропила,
вздыхая: надо перекрыть.
Там сад. Тропинкою из сада
сейчас же на реку беги.
А мать вздохнет: еще бы надо
взрыхлить приствольные круги.
Мы бесхозяйственны. И это
на тот резон наводит мать,
что ей придется после лета
двух квартирантов подыскать.
А мы, поскольку мало трогал
нас домоводческий мотив,
обалдевали от восторга,
с порога в облако ступив.
От голубого окоема
поросший редким лозняком
зеленый вал, прихлынув к дому,
вбегал в него половиком.
За ним ботва в проулок лезла,
пел патефон не видно где,
и пацанва ломилась резво
в недальний сад энкавэдэ.
Взмывал в подоблачную просинь
воздушный змей. И часом тем,
ладони в стороны разбросив,
я сам, мне кажется, летел.
Я замирал в сладчайшей муке
и до круженья в голове
гляделся в синь, раскинув руки,
на свежескошенной траве,

откуда в солнечную небыль,
как чудо звонкое земли,
со всех сторон взлетали в небо
стрекозы, пчелы и шмели.
В зенит воскинутый крылато,
я слушал птичью щебетню
и верил чувству, что когда-то
я тоже песню сочиню.
Не зря же с заводей и суши
такая музыка текла,
что овевала наши души
крылами света и тепла...
Мотиву солнечному внемля,
мы долго нежиться могли б,
но возвращала нас на землю
мать, выпевая: «Цып-цып-цып!..»
Не меньший пласт земных историй
нам открывал родимый двор
немецкой каской, из которой
клевали куры комбикорм.
Мишенью — бомбам полутонным,
в воронках с глыбами внавал,
кусок земли за нашим домом,
чем ты Берлину досаждал?
Неужто был настолько страшен
кому-то наш тишайший дол,
что до воды задворки наши
бодал тринитротолуол?
Неужто страшным то и было,
что, алым пламенем горя,
отсюда именно светила
земле рассветная заря,
и был поэтому обмыслен
поход в ту землю, в ту зарю,
где жизнь текла по красным числам,
по красному календарю?
Мы здесь когда-то «мессершмиттов»
волну сносили за волной,
от взрывов бомбовых укрыты
лишь материнскою спиной.
Припав к ладони материнской,
я кожей чуял на лице,
как по нему с нажимом рыскал
вражды оптический прицел.
Но, как осколки ни свистели,
как враг ни рвал и ни метал,
а вышло: рубленые стены
куда сильнее, чем металл.
Вот почему настолько розов
на небо нынешнее взгляд:
сквозь детства высохшие слезы
прекрасней юность во сто крат.
Здесь только мать, бывает, тужит,
когда, удерживая стон,
у стен сберкассы обнаружит
из алюминия жетон.
Как не тужить, когда повсюду,
кто взят морозом, кто — свинцом,
на месте этом стыли груды
солдат, совсем еще юнцов?
Горячей памятью палима,
мать видит женщин в той земле,
где был рожден носивший имя
Вильгельма, Германа, Кале.
Чем был он в тягость там, в Европе,
что он искал в чужих снегах,
у нас схороненный в окопе,
от сада в четырех шагах?
В дернине общего погоста
от Сталинграда до Карпат
один немыслимого роста
с войны покоится солдат.
Лежит всесветною пропажей,
безвестной миру оттого,
что бирка с номером не скажет
о прежнем имени его.
Над ним полотнища рассвета
полощут в небе без числа,
на голизну его скелета
планета плотью наросла.
Ему давно открыло время
столь скудный смысл его пути,
что поздний вздох его прозренья
способен землю потрясти.
Над человеческими снами
мать с той надеждою стоит,
что новый день с ее сынами
погибели не сотворит.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Старуха поседелая
в любом житейском случае
твердит: «Что бог ни делает,
то, не иначе, к лучшему!..»
Так легче ей, наверное,
нести свой крест без жалобы,
а разлученной с верою,
пожалуй, жить не стала бы.

Она б хотела вымолвить
больной души глаголами
всю скорбь свою, чтоб вымолить
сынов своих из полымя.
На фронте были — пятеро,
пришел один, как водится.
И шепчут губы матери
молитву богородице.
Ей, старой, часто чудится,
что пули мимо рыскали
и что на каждом сбудется
заклятье материнское.
Пускай какой бы ни было
сынов ни крыло тучею,
пусть письма есть о гибели, —
но ведь бывали случаи!..
Молчит большак. Над хутором
к закату солнце валится
и вновь надеждой утренней
восходит над страдалицей.
Идет она за росстани,
стоит у огородины
и говорит: «О господи!..» —
как мы с тобой: «О Родина!..»

ОЛЕГ ПОСКРЕБЫШЕВ

ИЗ ДЕТСТВА

Чуть не с зорькой-огневицей
Тормошила сына мать,
Говоря, что не годится
Позже солнышка вставать.

— Встань, сынок, да стань высок,
Ровно в поле колосок;
Для себя золотей,
Золотись и для людей.

А сама брала покуда
Каравай — ржаную плоть —
И солила круто-круто
С наговорочкой ломоть.

— Ешь, ешь солоней —
Будет кожа ядреней,
Будет кость не ломка,
Без износа бока.

И уж лет с шести, наверное,
Стала втягивать в дела:
То на поле, то на ферму,
То на звонкий луг вела.

— Радо поле, рад и луг
Даже паре малых рук.
Но и вырастешь — гляди:
Край родной не сироти...

До сих пор горит в груди:
– ... Край родной не сироти!

ВЛАДИМИР СЕМАКИН

ДОМА

Стосковался я, честное слово,
по лесам, что синеют вдали.
Через облако хвои сосновой
редко луч достигает земли.

Да и то средь грибов и брусники,
средь всего, что пестреет у ног,
он крошится на мелкие блики —
хоть их тоже клади в кузовок.

Чуть подальше — ни сосен, ни елок,
вместо дерева — пень золотой,
и в знакомый рабочий поселок
можно выйти по просеке той.

И опять побывать на заводе —
не беда, что мой пропуск изъят, —
чтоб окликнули в цехе: — Володя,
где и как ты — выкладывай, брат!

Подучился небось? — И едва ли
откажусь я от их папирос.
Тут и спросят с тебя, и похвалят,
тут и в шутку с тобой, и всерьез...

Стосковался я за год по Каме,
что одна мне шептала: «Сынок» —
с той поры, когда сделали маме
тесный дом из дубовых досок.

Я приду поклониться могиле,
что видна из прибрежных ракит...
Все-то камушки здесь дорогие,
даже если я кем-то забыт.

Без фуражки стою у вокзала,
не успев отдышаться с пути,
и не знаю, куда мне сначала
и к кому мне сначала пойти...

МИХАИЛ БЕЛЯЕВ

МАТЬ

1. Спелые яблоки

Дремлет сад, усыпанный плодами,
Яблоки в рассветные часы
Свесили над яркими цветами
Капли голубеющей росы.

Никогда такого не бывало
У хозяйки.
Видится все ей,
Как она крапивой отгоняла
От незрелых яблок сыновей.

За сынами углядишь едва ли,
И страшна ли из крапивы плеть...
Яблоки обычно исчезали,
Не успев как следует созреть.

А теперь сыны поразлетелись...
И хозяйка —
Уж который год! —
Подбирает в лиственной метели
Яблоки — ей ветер их трясет.

Приезжают дети ежегодно,
Погостят и снова улетят.
— Что ж ты, мать, опять грустишь сегодня?
— Да вот... спелых яблок
Полон сад.

2. Письма

Ты вновь по сыну стосковалась за день
И отдыхать со всеми не легла,
Взяла листок бумаги из тетради,
Со мной в письме беседу повела.

В окно заглянет месяца подкова,
Ветвистый сад в росе давно измок...
А ты по буквам собираешь слово,
По слову — озабоченно письмо.

Лишь мне корявый почерк твой понятен...
Ведь ты учиться раньше не могла.
И пусть чернильных много в письмах пятен —
В них больше материнского тепла.

И этот каждый твой простой листочек
Всегда читаю и с собой ношу.
Они протерлись, но затертых строчек
Я все слова на память расскажу.

3. Снова вместе

Молния крутая.
Свежий ход дождей.
Песня молодая
Матери моей.

Молока в ведерке
Полудремный звон.
Шесть берез на взгорке.
Гром со всех сторон.

Белое хожденье
Вымытых стволов.
В доме оживленье —
Голоса сынов.

Снова вместе! Значит,
Не помеха дождь!
И в дожди горячим
К матери идешь.

Ужин ей закажем,
С нею посидим,
Обо всем расскажем,
Все дела решим.

Это знает каждый:
Мать и в снах зовет.
...Здесь ее однажды
Каждый не найдет.

Сторона родная,
Свет родных полей,
Молния ночная,
Свежий ход дождей.

ОЛЕГ ШЕСТИНСКИЙ

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Мать допоздна ждала меня домой,
а я с пирушки приходил хмельной;

или в своем бездумии пустом
от милой шел уже часу в шестом...

. . . .

А ныне в забытьи или во сне
я жду, что мама постучит ко мне.

Придешь ли ты с седою головой —
перецелую каждый волос твой.

Пришлось ли грязь тебе в пути месить —
согрею воду, стану ноги мыть.

А если ты с дороги голодна —
я плов сварю и принесу вина

армянского, чей терпкий аромат
тебе напомнит отчий Арарат...

Мне говорят —
из-под земли не встать...

Шесть лет я жду...
Всю жизнь я буду ждать...

* * *

Мы часто мать
по пустякам тревожим:
У друга заночуешь иногда,
А мать не спит
И думает, быть может,
Что с сыном приключилася беда.
Она не спит.
Минута словно вечность,
Проходит перед нею, как вопрос.
Заплачет мать,
И ей как будто легче...

А если у нее не хватит слез?

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

МАТЬ

Марии Васильевне, матери моей

«Извещаем... Вас...
...за Родину...
...с врагами...» —
В траурной каемке
пять коротких строк.
Заходила ходуном божница,
Закачалось под ногами,
Надавил на плечи горбатый потолок.

Отдышалась.
Узелок достала.
Развязала:
Сдунула соринку с распашонки,
Расчесала завиток волос...
Тихая, прямая, светлая
Стояла.
Ни полстона
с пересохших губ не сорвалось.

Стала успокаивать
плачущего почтальона,
Причитающих соседок
Проводила на крыльцо.
А кругом плясал, гудел пожар зеленый,
И огонь оледенелый
бил
В открытое лицо.

Огляделась:
Край зари, дорога —
все как было, —
И песок, и даль, и зябкость...
И, скупых не пряча слез,
Сухонькой рукой
Бумажку стопудовую сложила:
— Будет, бабоньки.
Развиднело.
Пора на сенокос!

* * *

Лишь на мать погляжу я —
И снова
Вспомню,
Как уходил на войну...

...Маму я у столба верстового
В чистом поле оставил одну.

Падал снег полосами косыми
На поблекшие листья берез,
На зеленое пламя озимых
И на прядь материнских волос.

И сердца леденели...

А снова
Край родной я увидел весной:
По лугам льется запах медовый,
Рожь играет широкой волной,

Зеленеют березы в долине,
Сердце снова теплом налилось...

Вся в снегу остается доныне
Только прядь материнских волос.

АНАТОЛИЙ ПЕРЕДРЕЕВ

СОН МАТЕРИ

Стучат в окно,
Стучат в ночные двери —
Скорей вставай
И двери отворяй!..
И входят в дом
Ее живые дети,
Встают над нею
Три богатыря.
Они встают,
Какими их навечно,
На каждый час запомнила она,
И нету сил,
Чтоб кинуться навстречу,
Дыханья,
Чтобы крикнуть имена.
Они!
Руками каждого потрогай,
Гляди,
Гляди на каждого —
Они!
И, как тогда,
Как перед той дорогой,
На них
Крест-накрест
Желтые ремни...

О МАТЕРИ

Уляжется ночь у порога,
Уставится в окна луна...
И вот перед образом бога
Она остается одна.

Туманный квадратик иконы,
Бумажного венчика тлен...
И долго роняет поклоны
Она, не вставая с колен.

И пламя лампадки колышет,
Колеблет комочек огня
Ночной ее вздох...
Не услышит
Никто ее, кроме меня!

Лишь сердце мое отзовется,
Сожмется во мраке больней...
Никто никогда не вернется
С кровавых безмолвных полей...

Не будет великого чуда,
Никто не услышит молитв...
Но сплю я спокойно, покуда
Она надо мною стоит!

ИВАН РЯДЧЕНКО

МАТЬ

Как птица перед бурей,
стихла мать,
не поборов щемящую тревогу:
настало время сына снаряжать
без провожатых в первую дорогу.
Сын завтра уезжает...
Так всегда,
птенцы растут у мамы под рукою,
но, вылетев однажды из гнезда,
навеки отвыкают от покоя.
Седая прядь блеснула на виске,
и голубая жилка встрепенулась —
мать,
выбирая вещи в сундуке,
как будто к детству сына
прикоснулась.
Достала мужа фронтовой погон,
потом нашла короткие штанишки,
и галстука немеркнущий огонь,
и школьный табель,
и пенал сынишки.
Полна нелегких, выстраданных дум,
разгладит мать рубашки голубые
и новенький шевиотовый костюм,
на деньги сына купленный впервые.
Извечна материнская беда —
година расставания лихая.
И мать не спит и слышит —
поезда
зовут с собой,
на стрелках громыхая.
Заботу не уложишь в чемодан!
Жить вдалеке от матери несладко.
Ждут сына полевой открытый стан
и сквозняком прошитая палатка.
Кто там в степи,
когда наступит ночь,
придет поправить сыну одеяло?
Ах, лучше бы она растила дочь!
Дочь от нее
ничто б не отделяло...
Упрямый хохолок в тиши ночной
ласкает мать в раздумье
и кручине,
не зная, что соседка за стеной
не спит по той же, собственно,
причине,
вздыхает и мечтает: был бы сын!
И, повздыхав,
кладет в багаж монисто,
и «Красную Москву», и крепдешин,
и новенький учебник тракториста.

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

Постарела мать за тридцать лет,
А вестей от сына нет и нет.

Но она все продолжает ждать,
Потому что верит, потому что мать.

И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война.

Много лет, как все пришли назад,
Кроме мертвых, что в земле лежат.

Сколько их в то дальнее село,
Мальчиков безусых, не пришло.

...Раз в село прислали по весне
Фильм документальный о войне.

Все пришли в кино — и стар и мал,
Кто познал войну и кто не знал.

Перед горькой памятью людской
Разливалась ненависть рекой.

Трудно было это вспоминать.
Вдруг с экрана сын взглянул на мать.

Мать узнала сына в тот же миг,
И зашелся материнский крик:

— Алексей, Алешенька! Сынок! —
Словно сын ее услышать мог.

Он рванулся из траншеи в бой.
Встала мать прикрыть его собой.

Все боялась — вдруг он упадет.
Но сквозь годы мчался сын вперед.

— Алексей! — кричали земляки. —
— Алексей! — просили. — Добеги!..

Кадр сменился. Сын остался жить.
Просит мать о сыне повторить.

И опять в атаку он бежит.
Жив-здоров, не ранен, не убит.

Дома все ей чудилось кино...
Все ждала, вот-вот сейчас в окно

Посреди тревожной тишины
Постучится сын ее с войны.

ВАЛЕНТИН КУЗНЕЦОВ

МАТЬ ПРИЕХАЛА

Не застудить бы, не порезать
Зальделой веткой рук твоих.
Деревья скованы железом,
Леса — в капканах снеговых.

Чем заслоню тебя от ветра,
Где отыщу тепло земли?
Граненые орешки кедра
По дуплам белки разнесли.

Мне часто не хватало света,
Работали при свете звезд.
А ты так легонько одета,
Приехала за тыщи верст.

Я не встречаю хлебом-солью,
Я лишь в глаза твои смотрюсь,
Твоей бедой. Твоею болью
С хорошим другом поделюсь.

Я свой паек отдам соседу
И веки тяжкие смежу.
Приснится мне: я к дому еду
И на твоей руке лежу.

И солнце маленьким горнистом
Поет на улице моей...
Святое чувство материнства
Хранит бедовых сыновей.

ОСИНА

Матери

Осина — так себе лесина.
Но если говорить всерьез,
То без тебя, печаль-осина,
На что мне красота берез?

Вот я стою в лесу, как в храме,
Главу смиренно обнажив.
Я под ветвистыми руками
Одним твоим дыханьем жив.

Спадает твой наряд багровый,
Бледнеет лиственный покров
Перед величием суровым
Твоих размашистых дубов!

Тебя, наверно, срубят скоро,
Взгляни — уже костры зажглись.
Идти кому-то надо в гору,
Кому-то надо падать вниз...

Но кто поймет, о чем ночами,
Когда молчит тяжелый лес,
Ты плачешь долгими слезами
В платочке сереньких небес?

ВЛАДИМИР ЦЫБИН

МАТЕРИ МОЕЙ

От всегдашних забот
ты состарилась, сгорбилась рано.
Ведь твоими руками
кормилась, считай, вся семья.
Ну а я, несмышленый,
с тобою неласков был, мама,
и совсем не берег
я тебя, Николавна моя.
И когда ты ночами
незрячими плачешь слезами
и в руках теребишь
к Октябрю принесенный платок,
та ж забота тревожит
твою незажившую память:
вот бы взял — и приехал
к тебе на побывку сынок!
И появится вдруг у тебя
торопливость ненужная.
Разожжешь самовар.
А потом, распивая чаи,
вдруг припомнишь ты
вьюжное, вьюжное, вьюжное,
необутое детство,
далекие годы мои.
Как глядела на нас
и шептала: «Родные, хорошие!»
И, погладив ладонью
пряди немытых волос,
уходила в поля,
где хлеба осыпались, некошены,
под тяжелой косою
еще не ложился покос.
Вот сидишь ты, сидишь,
подперевшись рукою усталою,
а осенние листья
кружат у хромого плетня...
Мама, мама!.. Я знаю,
что ношу несешь ты немалую
в материнской живучей тревоге
за своих сыновей, за меня.
Помню, мама, тебя
ослабевшей в постели, больною.
Как, метаясь в бреду
в городьбе своей детворы,
«Дай мне жизни, сестра!» —
просишь жуткой,
последней мольбою,
будто просишь воды
у за ночь постаревшей сестры.
Мне казалось тогда,
что уходишь от нас ты навеки
в те края, где ни солнца,
ни теплой травы;
где потемки нападают
в грустные веки
и откуда мальчишьей
погладить нельзя головы.
На чужбину уходишь совсем,
где зари не услышишь,
ни зазяблой росы,
ни лесного густого дымка
и откуда нельзя
для сопливых своих ребятишек
наприпрятать гостинцы
в узелки шерстяного платка...
Я приеду к тебе,
где в саду зашумела смородина,
где над нашей избою
осыпалась густо заря.
Ведь одна у меня ты,
одна у меня ты, как Родина,
Николавна, родная моя!

МАТЬ

Минуты у друзей свободной нету —
Работают,
Экзамены сдают,
Скупые телефонные приветы
Они через врачей передают.
Но каждый день,
Всегда с работы прямо,
Лишь потемнеет небо за окном,
В мою палату тихо входит мама
В халатике коротком и смешном.
Поправит лампу
В синем абажуре
И скажет мне,
Что снег идет опять,
Что снова строгая сестра
дежурит —
В палату не хотела пропускать.
Она сидит,
Тепло и грустно глядя,
И говорит,
Что меньше стали дни,
Что ветер лют,
Что испекла оладьи,
Что вот еще горячие они.
Что мне рубашку сшила
без примерки,
Что потихоньку,
вставши до зари,
В день операции ходила в церковь
(«Смотри, только отцу не говори!»).
В ее руках,
Уставших от работы,
С оладьями промасленный пакет...
И тает снег
На старых черных ботах,
Слезинками стекая на паркет.

* * *

Приехала мать из Воронежа,
Из милой моей стороны.
И мысли притихли тревожные,
И вспомнились детские сны.

Сидим, говорим про забытую,
Седую почти старину,
Про давние годы несытые,
Про дом, про родню, про войну...

И теплым дыханием родины
Согрет мой нерадостный быт...
Да, много нелегкого пройдено,
И много еще предстоит.

Но все же какие хорошие
Нам в жизни минуты даны!..
Приехала мать из Воронежа,
Из милой моей стороны.

ОЛЕГ ДМИТРИЕВ

«ДОМОЙ!»

«Домой!..» —
Кричала мама Мишки,
Высовываясь из окна,
И папирос запретных вспышки
Скрывала ночь темным-темна.
«Домой, Володька!»;
«Петька, слышишь?..
Смотри, недолго до беды!»
И эхо ударялось в крыши,
Гремящее на все лады...
А через год ушли мальчишки
По переулку своему,
И получили мама Мишки
И мама Петьки по письму.

Кричит распахнутая фортка
На их четвертом этаже:
«Ребята, возвращайтесь с фронта!
Война закончилась уже...»
Не услыхали, не вернулись.
Весна. И ночь темным-темна.
Другие матери, волнуясь,
Кричат другие имена:
«Домой, Андрей!..»;
«Сергей, скорее!
Как ты несносен и упрям!»
О, будьте, мальчики, добрее,
Спешите к вашим матерям!

ЖЕНЩИНА, 1970 ГОД

Падает на землю
Голос твой
И о камни бьется головой.
Долгий взгляд
Сползает по стене,
Как солдат, убитый на войне.
Каменеешь ты
В пустом дому,
Как надгробный памятник ему.
Белая клонится голова.
Не жена,
Не горькая вдова —
Это мать скорбящая.
Над ним,
Над двадцатилетним, молодым.

МАТЕРИ

Я на день, на два к ней заеду.
Родня сойдется за столом.
И, как положено, беседу
О том, об этом заведем.

Все реже, реже наши встречи.
В висках все больше седины.
Все чаще, чаще наши речи
К словам застольным сведены.

Прости мне, дом гостеприимный,
Что не осмыслю, почему
Как будто тень вины взаимной
Меня преследует в дому.

Все спешка вечная, заботы.
Поговорить бы от души —
Да вроде все мешает кто-то,
Перед глазами мельтешит.

А выдастся минута, с нею
Останемся наедине —
Увижу вдруг: еще сложнее,
Труднее молвить слово мне.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

* * *

Не прадедовский дом —
стандартная квартира,
но столько зим прошло,
а значит, все равно
есть угол у меня
средь яростного мира,
средь тысячи окон
родимое окно!
Что ж, здравствуй, мать, встречай,
давай согреем чаю.
Я крепким сном засну —
как сладок этот сон!
Есть угол у меня,
где я не отвечаю
ни перед кем,
где я
от ветра защищен.
Иллюзии мои,
я с вами не расстанусь.
Гори, не угасай, мерцающий огонь!
Я — мальчик,
отрок,
сын,
и я таким останусь,
покамест мать кладет
мне на висок ладонь.

* * *

Мать пьет снотворное за то,
что столько лет недосыпала,
ее бросает в забытье
шальная доза нембутала.

Жизнь опостылела вконец,
а золотые сны — отрада.
Чтобы приснился мой отец,
она не просыпаться рада.

Но снятся ей госпиталя,
ее кровавая работа,
бинты и язвы, гной и рвота —
война, короче говоря.

Она, не покладая рук,
кромсает, режет, шьет и пилит...
Один без ног. Другой без рук,
а третий раненый навылет
кричит... Спаси его, хирург.

Ты — бог. А значит, не должны
дрожать от перегрузок руки,
пока на белые столы
фронт шлет тела из мясорубки...

А сын ей говорит: — Вставай!
Что жить искусственными снами?
Волнуйся! Радуйся! Страдай!
Дыши весенними ветрами!

Они идут в шумящий бор
сбирать цветы на солнцепеке...
— Мать, подыми потухший взор,
послушай, как шумят потоки!

Взгляни на голубую гладь —
ты столько бед перемолола,
еще настанет время спать...
А мать в ответ ему ни слова.

Прогрелась в солнечном тепле.
Молчит. Рукой устало машет,
склонясь к оттаявшей земле.
Не шьет. Не стряпает. Не вяжет...

А мать-и-мачеха цветет,
и сон-трава мохнатым зевом
росу мерцающую пьет...
Но никогда под русским небом
трава забвенья не взойдет.

ДМИТРИЙ СУХАРЕВ

МАТЬ, А ВЕДЬ САМАЯ МАЛИНА...

Мать, а ведь самая малина
Теперь, пожалуй,
                              в лес пора!
Сойдем, не доезжая Клина, —
Иль мы с тобой не мастера
Заготовительного цеха?
Мать, собирайся, не до смеха,
Малину собирать пора!

Сойдем и подадимся вправо.
Работать надо — выходной!
В лесу работников орава,
А ягод вовсе ни одной.
Ну нет!
Малины — изобилье.
Иль мы с тобой перезабыли
Свои места и надлежит
Нам чьим-то следовать советам?
Ну нет, привет!
Мы — по кюветам,
Авось бидон и набежит.

Зато известно наперед,
Как после, стылою порою,
Когда снега тебя покроют
И душу стужа проберет, —
Придет черед,
Наступит срок
Ему,
      пахучему варенью.
Оно по щучьему веленью
На скатерть — скок!
Ну, мать, кончай
Печалиться,
                    подуй на чай,
Не век стоять зиме угрюмой.
Ты вспомни некий выходной
И с пониманием подумай:
Куда садовой до лесной!..

ЕВГЕНИЙ САВИНОВ

МАТЕРИНСКАЯ ВЕРА

Когда-то мама убеждала близких,
Что никого меня красивей нет.
Но девушка рвала мои записки,
И женщина потом смеялась вслед.

— Ты будешь счастлив! — верила упрямо,
Как будто мало в жизни хмурых дней.
Но если счастье обещала мама,
То как посмею я
не верить ей?

СНЫ

Сны к нам прилетают,
Словно птицы.
С изголовья их вспугнуть легко...
Медленно
Смежаются ресницы,
И туман плывет, как молоко.
Вот уже деревья проступают
В небогатой северной красе.
Будто бы по облаку ступая,
Женщина
Проходит по росе.
Я смотрю, смотрю —
И все мне мало,
Я ее никак не узнаю...
Да ведь это мама,
Это — мама,
Вы ведь маму помните мою?!
Молодая, статная, пригожая,
Кос литых тяжелое кольцо.
Вот она росу берет
Пригоршнями
И, смеясь, бросает мне в лицо.
Щебет птиц
Навстречу ей несется,
Это звонкий гимн рожденью дня.
Вот большое розовое солнце
Мама зажигает
Для меня...
Открываю медленно ресницы.
Как же раньше я не замечал,
Что она все реже
Стала сниться
Мне за эти годы по ночам?
Мир все шире,
Он ведь не уменьшен,
Вихрь забот,
Дорог неровный свет.
В сны мои
Приходит много женщин,
Для нее в них, видно,
Места нет...
К праздникам я шлю ей телеграммы,
Шлю в конвертах нежные слова.
Как же я давно
Не видел мамы,
Как давно
Ей рук не целовал!..

МАТЬ

В нашем домике допотопном
Помню женщин одних в семье.
Помню: туфли твои дотоптаны,
Платье выцвело на спине.
Я мечтала тогда девчонкой,
Как бы мне суметь накопить,
Снять самой с тебя мерку бечевкой,
Платья в городе накупить.
Называли тебя вдовою.
Помню все я твои труды.
Как верблюдицею худою
С огорода влекла пуды.
Постоишь у ворот молчаливо,
Не откроет хозяин ворот.
Я не помню в семье мужчины
Посреди бытовых забот.
До сих пор ты не так одета,
Руки маленькие черны.
Нет, никто не виновен в этом,
Кроме той мировой войны!

ВИКТОР БАЯНОВ

МАТЕРИ

Устав от ветровых погудок,
Стоит береза на меже.
Еще не зимняя покуда,
Но и не летняя уже.
Ты на нее глядишь, родная,
И замечаешь, что она,
Листву пригоршнями роняя,
Почти совсем оголена.
Знобясь в трескучие морозы,
Но не кляня свое житье,
Она как будто не береза,
А отражение твое.
И, с нею мысленно общаясь,
Ты пригорюнилась в избе.
Как будто гости обещались,
Да не приехали к тебе.
А рельсы, словно по ступеням,
Белесый излучая свет,
Бегут, сужаясь постепенно,
И где-то сходятся на нет.
Презрев болезни и простуды,
Ведя домашние дела,
Все реже говоришь ты «буду»,
Все чаще говоришь «была».
Под полушалок прячешь проседь
И тем лишь, кажется, жива,
Что обо мне тебе приносят
Одни хорошие слова.
Живя доверчиво и просто,
Я не прошу иной судьбы —
Лишь чаще б видеть дом у моста
С куделью дыма из трубы.
Да под горою омут синий,
Да поле в балках и буграх
С березкою, еще незимней,
На обжигающих ветрах.

ВИКТОР ПАХОМОВ

СОН

Дымятся трубы. Крематорий.
Освенцим. Я уже развеян,
Лечу на Родину, которой
Я и такой, сожженный, верен.

Граница. Родина. Смоленщина.
Ветряк. Речушка. Перевоз.
Седая сгорбленная женщина,
Полуослепшая от слез.

Ее морщины словно шрамы.
Глаза с извечною мольбой.
Кричу, кричу ей: «Здравствуй, мама!
Я снова дома, я с тобой.

Вновь буду жить под отчей крышей
И никуда не пропадать...»
А мать меня совсем не слышит,
Меня не замечает мать.

Стоит, качается былинкой,
Концы платка прижав к плечу.
А я над нею пепелинкой
Летаю и кричу, кричу...

ЛЕВ СМИРНОВ

ДУСЯ

Я думаю о родине,
О милой стороне.
Она так щедро родинки
Рассыпала по мне.

Мне с ней любые тяготы —
И пашня, и стерня —
Легки, как эти ягоды
В лукошке у меня.

Мне лет еще вот столечко,
Мой рост не на виду,
Но вся я — как настоечка
На мяте, на меду.

Сверкает капля грузная
В заколке у меня...
Я вся такая русская,
Как эти зеленя.

Лишь солнышку завидуя
И думая о нем,
Из Редькина в Завидово
Иду я летним днем.

Иду и каждой родинкой
Свой чувствую секрет,
И у меня, молоденькой,
Еще сыночка нет.

ИРИНА ВОЛОБУЕВА

РУКИ МАТЕРИ

Нас, как причалы, ждут края родные...
И, обожженный ветрами путей,
Ты, в отчий дом вернувшись, как впервые
Увидишь руки матери своей.
Шершавые, в прожилках узловатых,
На радостях прервав привычный труд,
Они смущенно, будто виноваты,
Дрожащий подбородок подопрут.
И, вспомнив вдруг походов зной и слякоть,
Поля фронтов, где рвались небеса,
Поймешь, что эти руки могут плакать,
Как плачут материнские глаза.
Что в них слилось все доброе, святое,
И свет окна, и спелой нивы дрожь,
Что им, бессонным, больше бы покоя,
А ты им все покоя не даешь!

АЛЕКСАНДР ХРОМОВ

* * *

Мать у калитки стоит —
В сторону смотрит Владимира.
Сына дорога таит,
Словно умышленно вымерла.
Как и вчера —
Ничего,
Как и вчера —
Ни машины.
Тени легли на чело.
Сумрачней стали морщины.
Смотрит она на шоссе.
Стадо свернуло с дороги.
И по колеса в овсе
Спят за околицей дроги.
Нет на селе ни души.
Долго калитке стонать.
Слушай, водитель,
Спеши:
Матери рано вставать.

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВ

МАТЬ МОЯ!

Мать моя!
Веселых тайн ребячьих
В детстве я не поверял тебе.
(Чтобы мать была спокойна,
Спрячь их
И открой мальчишеской гурьбе.)
Ты тогда, наверное, не знала,
Что решен набег на огород...
А мальчишек у тебя немало,
Ты их знаешь:
Озорной народ!..
Мать моя!
Ты шила и стирала —
Я в садах соседних рвал штаны.
Ты сидела за полночь, бывало, —
Я смотрел мальчишеские сны.
Все простым и очень ясным было:
Я — гулять,
Ты — на завод с утра.
Все ты терпеливо выносила:
Ведь на то в семье и детвора.
Мать моя,
Ты сгорблена работой.
Трудным был
Твой материнский путь.
Никакой сыновнею заботой
Плеч твоих уже не разогнуть.
Много в жизни горя ты хватила!
Умер муж.
А дети — прокорми!..
Только рук тогда не опустила
Ты —
С мальчишками и дочерьми.
От ребят украдкой в бога верить,
На себя одну лишь уповать.
Сын убит.
И горя не измерить.
На земле — война,
А ты ведь — мать.
Слышала ты дальний гул сражений,
Но врага,
Пройдя сквозь все бои,
Мать,
Перед тобою на колени
Мы поставили,
Сыны твои.
Знать, недаром ты детей растила
В неприметном мужестве своем.
Знать, недаром
Родину,
Россию
Мы порою
Матерью зовем!..

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

МАМА И КОСМОС

(Из поэмы)

Звезды первые. Ранние-ранние.
Между звездами мама идет.
Ее волосы белые спутаны.
Белый бинт на ногах ее сбит.
Рядом с нею идут ее спутники
по высоким ступенькам орбит.
Ее туфли широкие стоптаны,
темной ниткой очки скреплены.
Всех светил оборотные стороны
сквозь очки моей маме видны.
Она хлеб от себя отрывает
и, шагая по той крутизне,
Море Ясности мне открывает,
дарит Море Спокойствия мне.
И светлеет луна,
остывая
на ладони ее дорогой,
как дымящийся круг каравая,
как грядущего хлеб даровой.

АНАТОЛИЙ ПОПЕРЕЧНЫЙ

* * *

Когда в цветенье яблоневом
                                завязь
Нам предвещает торжество плода,
Взойди, добро,
Умри, слепая зависть,
Воскресни, материнства красота!

И сгиньте, все напасти и наветы,
Когда, как полдень знойная, она
Проходит по окраинам планеты,
Той ношей счастья обременена.

И я гляжу —
И не припоминаю —
Во сне ли первом или наяву,
Где видел я ее,
Какому маю
Обязан я, что на земле живу?

Иду сквозь ливни,
                травы и разлуки,
За пазухой слова ее храня.
Где видел я,
Где слышал эти руки,
Взбаюкавшие солнце для меня?

Иль, может,
            в жизни все круговращенье,
А в центре ты —
                любовь моя и мать?
И нам еще предрешено рожденье
И никогда забвения не знать,
А видеть,
            как со счастьем на свиданье
Она идет сквозь солнце и жнивье.
И тайное великое страданье
Вот-вот коснется теплых губ ее.

СЕРГЕЙ МАКАРОВ

МАМЕ

Появляется на спичке
Золотой флажок огня,
Закурил я по привычке —
Сон в полон
Не взял меня.
Всполошилась краснозванка.
Что ты, птаха? Не дури —
Далеко до позаранка,
Два часа до синь-зари.
Не буди, зарянка, маму —
Пусть она поспит светло...
Трется бел-туман о раму,
Тихо дышит на стекло.
Я окно ему открою,
Прошепчу привет-слова...
Упивается росою
Пересохшая трава,
Стог уткнулся в грудь лощины
И сосет ее взахлеб...
Беспощадные морщины
Углубились в мамин лоб,
Эту
Времени поклажу
Зло не снимет и добро...
Маме волосы поглажу —
Накладное серебро...

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА

* * *

Люблю!
И все на свете смею.
Люблю!
И больше нет меня.
Ты есть!
Скажи, в огонь сумею,
живая выйду из огня.
Мир отступает суетливо.
Под каблуком земля горит...

А мама смотрит сиротливо
и ничего не говорит.

ВЛАДИМИР ПАВЛИНОВ

СВЕТ МЕСЯЦА

Моей маме Надежде Ивановне

Месяц из облака вышел,
камнем точенный клинок.
Сел я в постели, услышал:
— Что тебе снилось, сынок?

Хлынул в глаза мои прямо
острый безжалостный свет...
Ты не звала меня мама?
Ты не звала меня? Нет?

Детство. Жизнь катится к маю.
Ах ты, мой серенький чиж!
Голову я поднимаю —
ты на машинке стучишь.

Ты же спешила с работы!
Ты же ночей не спала!
Помнит ли кто, до чего ты,
мама, красивой была?

Время без устали метит
лики людей и древес.
Вот он, над окнами светит —
месяц, похожий на С!

Я изуверился в средстве:
чем же вину искупить?
Я же мечтал тебе в детстве
шубку из белок купить!

Шею закутай, голубка!
Плечи да грудь не морозь!..
Где она, беличья шубка?
Мы и живем-то врозь...

Редко мы видимся что-то.
Дом, знаешь. Дочь да дела.
Есть, понимаешь, работа...
Ты-то мне жизнь отдала!

Льется в глаза мои прямо
честный и режущий свет...
Ты не зовешь меня, мама.
Ты не звала меня. Нет.

ИВАН ВЕТЛУГИН

* * *

Как тревожен ты, час разлуки!
Вырос сын, уезжает далече,
И ложатся легкие руки
на крутые сыновние плечи.

Вытирает глаза виновато,
видно, вспомнила на вокзале,
как ладони ее когда-то
на шинельном сукне лежали.

На шинельном сукне лежали
и не сына на целину,
а отца его провожали
на войну.

ВИКТОР СМИРНОВ

* * *

У мамы сердце не на месте.
Опять стучится в дверь беда,
Опять, опять плохие вести
Несут в деревню провода.

Объяты тонкие осинки
Зарей багровой у крыльца...
И лишь на снимке,
лишь на снимке
Я вижу рослого отца.

Кошу в расстегнутой рубашке.
Роса в густой траве блестит.
А сзади жалкой деревяшкой
Скрипит сосед мой, инвалид.

Напоминая человека,
Переставляет в забытьи
Большая яблоня-калека
Подпорки длинные свои.

Шумит за хатой море хлеба.
Темно становится кругом.
И рушится на землю небо,
Когда палит из пушки гром!

И снова тихо...
В гуще сада
Пичужки смелые звенят.
И яркие лучи заката
В избушках стекла золотят.

Мать возвращается с работы.
Ложимся рано, как всегда...
А за окном,
как самолеты,
Гудят тревожно провода.

НАТАЛЬЯ БУРОВА

* * *

Мама! Этот вечер слишком долгий,
Щуришься ты, словно от огня.
Кажется мне, сквозь ушко иголки
Видишь ты и землю и меня.

И теперь с шитья не сводишь взгляда.
Больше не прошу тебя я: «Спой!» —
Может быть, и правда виновата
Я одна всю жизнь перед тобой...

Мне Талас запомнился гремящим,
Старый дом запомнился теплом.
На окошке был широкий ящик
С бабочкою красной под стеклом.

Только все куда-то улетело —
Все, что я любила и хотела.

За окном рвал ветер тени в клочья,
Кот Тарас мурлыкал басом, важно,
Ты ходила очень тихо ночью —
Подойдешь, погладишь, и не страшно.

Я не знаю, так ли это было,
Может быть, я что-то позабыла,
Может, в доме не было покоя
И напрасно часто я смеялась.
Может, показалось мне такое
И навеки в памяти осталось.

Женщина с колючими глазами
Засмеялась, повела плечами,
Зубы, как у мыши, показала,
А девчонка Нюрка мне сказала:
«Мы сестрички! Хочешь побежать?»
Я вцепилась в Нюркины косички,
Так вцепилась — пальцы не разжать.

Я не знаю, так ли это было,
Может быть, я что-то позабыла,
Может, надо было оглядеться,
И не там заканчивалось детство.

Поезд плелся долго по Турксибу,
Залетала саранча в окошко.
Чистила я бронзовую рыбу.
На столе позвякивала ложка.
Темной ночью, когда сёла мимо,
Как созвездья, пролетев, редели,
На стоянках только сгустки дыма
В полутьме шарахались от двери.

Пахло мандариновой кожуркой.
Ты дремала. Плакала я тихо,
Что теперь в моей кроватке Нюрка
Слушает стихи про аистиху.

Что при мне та женщина рукою
До плеча отцовского касалась,
И не показалось мне такое,
А навеки в памяти осталось.

...В новом доме дверь всегда скрипела;
За окном петух кричал от скуки.
Если оставалась ты без дела,
То тебе тогда мешали руки.

Тополя за домом стали выше,
Каждый год весной они линяют.
Не танцую больше я на крыше,
Без конца стаканов не роняю.

Позабыты старые игрушки —
Может быть, я в них и не играла?
Радоваться громко безделушкам
Мне всегда судьба твоя мешала.

* * *

Я сына родила не для войны!
Не для войны букварь ему давала.
Тревожилась, гордилась, тосковала.
Пожизненно влюбленная, как мать,
Готовая и штопать, и мечтать,
И ждать скупых, нерасторопных писем
С какой-нибудь окраины страны.
Я сына родила не для войны!
Еще вчерашний звонкий голосок,
А нынче жизнерадостный басок
Мне веру в жизнь и счастье утверждает.
А где-то в мире солнечном блуждает
Угроза смерти, голода и тьмы —
Работают холодные умы...
Я сына родила не для войны!

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВ

ЗАБОР

Наберу каленых гвоздиков,
С молотком пойду похаживать,
Из сухих жердинок-хвостиков
Нынче мне забор налаживать.

На проталинных залысинах
Слеги новые протесывать,
Чтобы гребнем он завысился
Ветры буйные расчесывать.

Чтобы лоси, звери рыжие,
Что несут рога точеные,
От моих пугливых вишенок
Повернули, огорченные.

Март похрустывает, ежится,
То смеется он, то скалится,
Но уже под льдистой кожицей
Голубой огонь скитается.

В небесах открылись ставенки,
Солнце дали пораздвинуло,
На реке заторы стаяли,
И стена тумана сгинула.

Над заждавшимися пашнями
Колосится солнце спелое —
И забор тебе я, матушка,
Из одних калиток сделаю.

* * *

Горблюсь весь в невесомых
снежинках,
Что-то давнее вижу в костре,
По колени в крови петушиной,
С голубым топором на дворе.

А поминки — уже не поминки,
Впору хоть гармониста будить,
Только в этом они неповинны —
Смертных смертью нельзя удивить.

Не шумлю. Я их так понимаю,
Наших всех в позабытом краю!
Я стою и один поминаю
Невезучую мамку мою.

Как стирала, готовила ужин,
Как мелькала в машинке игла,
Как она в эту редкую стужу
Молодых петухов берегла.

* * *

Вдруг ослепит на повороте
Внезапный льдистый свет небес.
Как много странного в природе,
Как смотрит в душу этот лес!

И снега нет, но есть творожный,
Тревожный запах юных зим,
Как будто в колее дорожной
Лежит он, хрупок и незрим.

И ветру с торопливой речью
Вдруг удается донести
Печаль почти что человечью,
Свое какое-то «прости».

И как бывало не однажды,
Когда родна земле тоска,
Я все ищу, ищу в пейзаже
Недостающего мазка.

С годами сердце не умнеет:
Смотрю, смотрю в простор полей,
Где, объясняя все, темнеет
Фигурка матери моей.

МИХАИЛ ЗАЙЦЕВ

* * *

Озябло озеро.
Озябли
Седые впадины лугов.
Росинки склевывает зяблик
С заиндевелых лемехов.
Поселок.
Слякоть.
В небе хмарном,
Когда петух взмахнул крылом,
Всплывает солнце бледным шаром,
Проплыло,
Скрылось за бугром.
Последний лист багряной вспышкой
Летит в обкошенный кювет...
И мама,
Штопая пальтишко,
Мне говорит:
— Эх, Мишка, Мишка,
Ведь были пуговицы?!
Не-е-ет...

* * *

Побелила мама стены,
Побелила потолок,
Распахнула двери в сени —
Светел терем-теремок!
Подмела уютный дворик
И в беседке подмела.
Отнесла в сарай топорик,
Задержалась у стола,
Чуть поправила клеенку,
В хлев пошла.
— Ну как житье? —
Поглядела на Буренку,
А Буренка на нее.
Вид Буренки независим
И спокоен, хоть убей!
Улыбнется мама:
Писем
Завтра жди от сыновей!

* * *

С необозримой вышины
Струится свет. Как на приколе,
Стоит береза у стены,
Глядит на вспаханное поле.

Там, над откинутым пластом,
Над перевернутою тишью,
Легко с березовым листом
Играет ветер. Кошка — с мышью!

Мать вновь выходит на порог,
Из-под руки глядит в печали
На оторвавшийся листок,
На поле, в даль, и дальше дали.

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

РЕМОНТ

Давай с тобой нагасим, мама, извести,
добавим синьки,
стул верхом на стол,
останется тряпье на кухню вынести
да выстелить многотиражкой пол.
Да на балкон —
от книжек и до валенок
снесем вещички. Запахнем плащом.
И комната, как человек в предбаннике,
предстанет вдруг неловко нагишом...
И мне покажется, пока хлопочется:
отъезд мой скорый — он из небылиц...
И только знаешь ты, что одиночества
не забелить ничем,
не забелить...

ГАЛИНА БЕЗРУКОВА

* * *

Открыла двери — сарафанчик простенький —
И замерла. Весь палисадник бел.
Как будто мама простирнула простыни,
Разбросила сушить на городьбе.

Вчера кусты топорщились нескладно.
И шмель дремал, тяжелый, золотой.
А нынче так огромно и прохладно
Черемуховой пахнет чистотой.

И я стою — качаются ступени —
И жду, сейчас корыто громыхнет,
И выйдет мама — локти в мыльной пене,
И будет мне опять четвертый год.

* * *

Мы с тобой, как две подружки,
На скамейке во дворе
Делим поровну игрушки,
Сговорившись об игре.

Хочешь — мамой будешь ты.
Я побуду нынче дочкой.
Забери мои платочки.
Там на них цветут цветы.

Ты умеешь очень много.
Вот и маму научи,
Как на стульчике треногом
Печь из глины куличи.

Научи меня стирать,
Шить сосновою иголкой.
Нам с тобой еще так долго
В дочки-матери играть.

ОЛЬГА ЕРМОЛАЕВА

* * *

Пока буран буранится
И рыщет темень дикая,
Усни-ка, мое дитятко,
Глядишь, и сон приглянется.
Усни, намного старшее,
Много повидавшее,
Горючее, уставшее,
С ночных небес упавшее.
Среди снегов немереных,
Среди миров растительных,
На простынях обветренных,
В хороминах родительских.
Тебе в ночах мерцала бы,
Когда не помешала бы
Тем, что т а к о г о холила,
Лелеяла, неволила.
Люблю тебя вселенскою,
А то — океанийскою,
Не девичьей, не женскою,
Любовью — материнскою.
Вот как на свете деется,
Единая породушка...
Уже и свет виднеется,
Детонюшка, Володюшка.
Как празднично, как радостно,
Как тучится, туманится...
Отверзнешь очи ото сна —
Глядишь, и жизнь приглянется.

ТАТЬЯНА ВЕСЕЛОВА

* * *

Огонь любви! Еще ты не погас,
Еще ты жгуч и обжигаешь губы.
Зов молодости! Властный, как приказ,
Неодолимый в пылкости, но любый,

Зови меня! Иль брось на полпути.
Но не смути занявшееся утро...
Как сладко сознавать, что впереди —
Вся жизнь моя, начавшаяся круто.

Не обмануть надежд своих и дум,
Владеть одним оружием — доверьем...
Бред юности, бродяжничества дух
Зовут шагнуть в распахнутые двери.

А там луна... А там такая ночь!
Но сей порыв души сражен сознаньем,
Что рядом спят спокойно сын и дочь —
Мои материальные созданья.

Я знаю, что любого покорит
Их детский взгляд, доверчивый и ясный...
Меня теперь никто не убедит,
Что есть на свете что-нибудь прекрасней!

СЫНУ

«Хранить огонь в очаге!» —
Века
Рассудок над этим бился.
Сплошной огонь! — И нет очага.
Кочевником ты родился.

И вот — не пеночки-соловьи
Приносят благие вести —
Сопровождают тебя мои
Над колыбелью песни!

Так с этой песнею и пойдешь —
И пешим. И вплавь. И бродом.
Согреет — солнце, умоет — дождь,
А накормит — работа.

ЛАРИСА ТАРАКАНОВА

* * *

Не спрашивай, мама, об этом,
Об этом нельзя говорить,
Как в детство,
Пронзенное светом,
Крутым и стремительным летом
Калитку нельзя отворить.

...Вот радуга в щель просочилась,
Вот вздрогнул сиреневый сад,
И все, что случилось,
Случилось
Минуту
И вечность назад,
И все, что приснилось когда-то,
Чем я не бывала богата,
Что плыло к чужим берегам,
Так тихо, так просто
И нежно,
Внезапно
И так неизбежно
Взошло — и упало к ногам.

НИНА КРАСНОВА

* * *

Для прохожих ты просто прохожая,
Просто женщина средних лет,
На мелькнувший пейзаж похожая,
Без особых примет.

В платье массового производства
(Сшито как по тебе оно),
С сумкой (сумка «авоськой» зовется,
Их во всех магазинах полно).

Поворот... тротуара обочина...
Театральная площадь... мосты...
Ты идешь — я слежу озабоченно
За тобой из Москвы.

Кто-то (много не нужно умения)
Может локтем тебя толкнуть,
Кто-то может в своем самомнении
Сверху вниз на тебя взглянуть.

Или кто-то не слишком вежливый
Может словом обидеть, хамя.
Хоть плакаты повсюду вывешивай:
«Люди! Это же мама моя!»

СОДЕРЖАНИЕ

